

Алексей Зубов

Шутки дебилыные

16+

Алексей Николаевич Зубов

Шутки дебилские

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50062772

SelfPub; 2020

Аннотация

Коротенькие истории, полезные для ума и приятные для стимуляции пищеварения. Улучшают зрение.

Столичный шик.

Вчера, в два часа пополудни, я очутился на городском вокзале. Привела меня туда не жажда пуститься в безумные странствия по белу свету, а нужда иного рода, всем знакомая и неудержимая никакими строгими убеждениями.

Перед этим, забежав в пяток кафе, и отметив возле вождьеленных дверей со странными латинским буковками, заменивших теперь всем понятное и ставшим родным французское слово «сортир», молчаливо-недвижимые очереди напряженных конкурентов, я вспомнил вдруг человеколюбивое решение железнодорожных властей сохранить на вокзалах бесплатные туалеты. На всякий случай.

Вокзал не «ГУМ», и иной человек и без мелочи в кармане зайдет.

Сделав дело, я, чувствуя свободу воли, прошелся по перрону.

На вокзалах всегда хорошо. Энергично как-то.

Возле пахнущего многосуточным потом поезда на столицу, я увидел две знакомые фигуры: Геся, да Мотя Пацан. Я подошел и спросил, что они тут забыли. Оказалось, они едут в центр цивилизации.

Это было удивительно. Чудно.

Мы отошли к гранитному парапету, они стали мне растолковывать: что к чему.

Какой-то дед, торчащий рядом и вычесывающий из боро-

ды ночной репей, заметив наш джентльменский набор, хотел быть умным и даже сказал, вроде как, нам: «Москва – столица прошлого, Петербург – будущего», но Геся, дав ему окурочек, велел погулять где-нибудь.

Тем временем Мотя Пацан популярно объяснял мне, что в столице правила те же, что дома (у него две ходки, так что, можно положиться), и те же люди, и те же речи, только колючки по периметру нет, а так, он, Мотя Пацан, видит там себе применение хоть внизу, хоть вверху.

А Геся сообщил, что у них уже есть и тема.

И они рассказали мне, а я расскажу вам, только можно, я буду писателя изображать?

Какого-нибудь француза? И название у него заимствую:

«Бижутерия».

Стояли прелестные весенние дни. По утрам, когда встающее после сна солнце мощными кистями чертило разноцветные тени по вымытым росами улицам, воздух, искрясь, переливался, как молодое вино из корчаг, от влажных крыш к тротуарам и дарил надежду и веру.

Хотелось жить.

Особенно хотелось жить здесь, в столице.

Господин Латенин, мужчина лет пятидесяти, скромный служащий управляющей компании, сделал глоток отвратительно-дорогого кофе и задумчиво устремил усталый взгляд

человека, знающего цену деньгам, за окно своего двуспального гостиничного номера.

Он прибыл в столицу с двумя своими дочерьми, очаровательными девушками, которым природа не поскупилась дать все, что так нравится в барышнях молодым людям, намеревающимся дружить всерьез.

Обе дочери были в том милом возрасте, когда влияние отца заканчивается, и он должен с достоинством и гордостью передать свое творение в руки чужого пользователя.

В прежние годы это именовалось «замужество». «Брак». Господин Латенин понимал, что должен, как отец, сделать что-то последнее, дать своим дочерям что-то такое, что останется в их памяти на всю жизнь, и он решил свозить их в столицу и всей семьей посетить Большой театр. Это было стильно. Даже, шикарно.

Накануне, приобретая у спекулянта билеты и прогуливаясь по Тверской, и он и его дочери чувствовали то приятное возбуждение, которое охватывает любого погружающегося в жизнь «бомонда».

Его девочки выглядели великолепно: юбки были совершенно такие, какие были у девушек из столичных бутиков, и туфли были те же, и рубашки – все было «в ажуре».

Рынок гарантировал приобретение эксклюзивных вещей даже живущим далеко от центра цивилизации.

Его беспокоило одно. Два колье, купленные им в Индии на улице Бомбея, и теперь украшающие его дочерей, каза-

лись чересчур простенькими и бедными. Какими-то «фермерскими». И кричащими об этом на всю столицу.

Дочери, тоже обратив внимание на оскорбительные, такие насмешливо-укоризненные взгляды людей, крутящихся возле Большого, закатили ему вечером скандал, объявив, что не пойдут в театр в этом старье.

Без украшений же в театр на «Спартака» идти было просто верхом невоспитанности.

И Латенин размышлял.

Он заглянул в спальню, где находились два его ангелочка – они безмятежно спали и были просто прелестны. Они были так целомудренны, так не испорчены жизнью.

На тумбочке меж кроватей, среди девичьих безделушек лежали те самые два кольца ценою в двадцать долларов каждое.

«С паршивой овцы хоть шерсти клок», – решил господин Латенин.

Он, не будя дочерей, взял сверкающие фальшивыми гранями побрякушки, положил их в карман и отправился искать ювелирный магазин, надеясь выручить за них хотя бы стоимость проезда в метро.

Утро было великолепным.

Жители центра цивилизации уже добрались до своих рабочих мест и были готовы продемонстрировать мастер-класс по зарабатыванию денег.

Многие делали это прямо в автомобилях.

Город гудел, как взлетающий лайнер.

Из-под брусчатки пахло распухшей, напившейся талой воды землей, и казалось, еще немного, и сквозь толщу Сталинского ампиратора прорастет свежая зелень.

Голова кружилась.

Маленький бутик со скромной рекламой показался господину Латенину подходящим для его мероприятия.

Он зашел внутрь.

Там было тихо и строго.

Стеллажи и витрины с дамскими украшениями внушали уважение.

Ценники заставляли подумать на досуге о смысле жизни на зарплату ниже средней по-Росстату. Все пахло спокойным шиком столичной жизни.

Из подсобки, на звук колокольчика, вышел юный, немного сонный паренек-менеджер. Ювелир. Он вопросительно уставился на господина Латенина.

Тот помялся, сомневаясь, но все-таки произнес:

– Я бы хотел сдать на комиссию два колье. Ручная работа.

Индия.

И он выложил из кармана на стекло прилавка свои, кажущиеся такими смешными и неприличными здесь, драгоценности.

Ювелир молча вставил в глаз лупу и с минуту разглядывал камни.

Господин Латенин отлично понимал, что горный хрусталь

вряд ли заинтересует ювелира, но ждал. Вдруг, хоть что-то?

– Видите ли, – сказал ювелир, отрываясь от камней, – продажи сейчас упали, и я боюсь, ничем вам помочь не смогу.

– Понятно, – ответил грустно господин Латенин, – однако, сколько я могу реально выручить за эти два кольца?

– Для чего вы их продаете? – поинтересовался ювелир.

– Мне необходимо сделать дочерям подарок. Я хочу купить им нечто модное. Со столичным шармом.

Лицо юноши-ювелира продолжало оставаться сонным и даже тупым.

– Видите ли, – наконец сказал он, – эти ваши изделия так скоро не продашь. Нынче покупатель с деньгами заходит редко.

– Во сколько же вы их оцениваете? – машинально спросил господин Латенин.

– Тысяч в сто, сто десять каждое. Я, конечно, могу их принять, но говорю вам, скоро их не продать.

«Он идиот?» – ошарашенно подумал господин Латенин, вспоминая нищего индуса с лавочкой, наполненной блестящей мишурой для туристов, – «Что за ювелир, не отличающий подделку? А, он молод, и скорее всего, учился уже в двухтысячных, вот оно что».

Он положил кольцо в карман и пошел было к выходу, но уходить не хотелось.

Хотелось еще побыть здесь, ощущая себя, хотя бы в глазах этого идиота-ювелира богачом.

– Я бы мог выкупить у вас ваши колье, – сказал сонно юный идиот, – но у меня сейчас вся наличность в обороте. Но ведь вы хотите купить вашим дочерям украшения? Я могу предложить вам. Вот, взгляните. Отличные сережки с изумрудами и сапфировый кулон.

Так. Кулон восемьдесят пять, и серьги, сейчас поглядим... сто двадцать пять. Итого: двести десять тысяч. Если вы согласны уступить мне ваши колье за двести, вам останется только доплатить разницу – десять тысяч, и украшения ваши.

В голове у господина Латенина прыгали бесы. «Как? За что мне такое подвалило? Вдруг, и я богат!»

Ювелир с лицом идиота достал коробочки с сапфировым кулоном и изумрудными серьгами – они сверкали новизной и выглядели по столичному шикарно.

– Вы согласны?

Господин Латенин боялся дышать.

Он вручил ювелиру свой паспорт, и тот не спеша составил договор о встречных купле-продаже.

– Подпишите здесь и здесь, – сказал он, – вот тут: «Сумму в двести тысяч получил полностью...», и дальше: «претензий к магазину не имею...»

– Теперь, – продолжал он, – подпишите: «кулон и серьги получены, претензий не имею...»

Ну, вот, теперь вам остается заплатить мне через кассу –

наличность! Одна морока с ней! – десять тысяч, и украшения ваши.

Слабо верящий в такую внезапную удачу, господин Латенин заплатил в кассу десять тысяч, получил от идиота-ювелира коробочки с драгоценностями и вышел на улицу.

Столица трудилась вовсю, и люди, спешащие мимо него по улицам, были весьма серьезными на первый взгляд.

Он зашел в кафе, и, стараясь привыкать к этому своему новому ощущению – жизни обеспеченного человека, небрежно заказал себе бутылку неплохого вина и пирожное.

Он пил, улыбался и представлял, как сегодня в Большом, когда Красс исполняет антраша, публика с завистью будет поглядывать на его девочек, украшенных сапфиром и изумрудами.

Бокал с красным вином играл рубиновыми гранями.

Вне всяких сомнений, поездка в столицу удалась!

...

Филологический казус.

Начнем, благословясь. Семья Гриенталей – сам Александр Борисович и супруга его, Тамара Александровна – это очень возвышенные, высококультурные люди. Сок русской интеллигенции. Александр Борисович по образованию филолог, он работает в строгом научном издательстве, жена же его, как ни странно, тоже филолог, хотя ее девичья фамилия Воробьева.

Тамара Александровна после работы, забравшись с ногами в сонное кресло, любит читать Тютчева или Цветаеву, и плачет. Александр же Борисович предпочитает Пастернака и Бродского, но тоже, читая, плачет (читает он всегда на кухне, прихлебывая чай с мелиссой). Кстати, я плачу, когда Пушкинские заповеди блаженств читаю... Пойду, высморкаюсь...

Тамара Александровна пробует (хоть и робко) и сама сочинять, мне безумно нравилось у нее:

Одуванчики, одуванчики -

Вы Дюймовочки милой диванчики...

У меня при слове диванчике начинала шалить фантазия.

Александр Борисович не только много пишет и публикует толковые статьи, но даже позволяет себе иногда и замахиваться на такой тяжелый жанр, как юмор. Недавно он опубликовал очень двусмысленный рассказец. Там история была о том, как герой стриг ногти на балконе, и один отстриженный кусочек ногтя улетел вниз, да прямо на балкон к соседу, и попал в чашку соседского кофе. Сосед же говорил с кем-то по телефону (телефон выдавал в нем коммерсанта и нехорошего спекулянта), и, ничего не подозревая, кофе выпил. Я долго не мог понять, в чем соль (до меня плохо доходит любая шутка), и только ночью я дотумкал, что отстриженный ноготь в кофе – это наше отношение к «их» кофе. Гордое и

презрительное.

«Смело», – подумалось мне тогда.

Да, так вот «их» – местоимение – о нем-то и пойдет речь.

В семье Гриенталей жена была консерватор, а муж больше либерал. Естественно, они спорили, естественно, ссорились. Потом мирились. Но одна тема была вечным камнем преткновения в их отношениях: допустимость употребления просторечного местоимения «ихний». Тамару Александровну болезненно дергало и коробило при звуках таких, Александр же Борисович мягко, с улыбкой указывал на речевую практику народа, который сплошь и рядом употребляет «ихний», «ихнего».

Спор этот мог продолжаться вечно (хотя бы до смерти одного из супругов), если бы не одно неожиданное обстоятельство, разом поменявшее всё мировоззрение Гриенталей. Обстоятельство, сделавшее этот спор лишним и даже неприличным.

Как-то, возвращаясь домой после прослушанной лекции (лекция была очень увлекательная – о падежных окончаниях страдательных причастий), Гриентали столкнулись на лестничной площадке с энергичными и громкими людьми, заносившими мебель в соседнюю квартиру. Они корректно поздоровались и хотели уже пройти к себе, но их остановили.

Жизнерадостная дама – по виду одних с ними лет – сказала, светясь улыбкой:

– А мы – ваши новые соседи. Заходите вечером, познакомимся, чаю попьем.

– Спасибо, – ответила Тамара Александровна, – непременно.

Дома Гриентали долго думали – как быть? Они никогда не ходили в гости к посторонним, но фраза «непременно» уже обязывала. Тамара Александровна очень нервничала и просто не представляла, что надеть, а Александр Борисович держался молодцом, но повторял: «Томусик, мы встанем и уйдем в любую минуту».

Решено было одеться по-вечернему, но с уклоном в непринужденность.

Тамара Александровна надела длинную юбку с милой кофточкой, туфли-лодочки, Александр Борисович был в «ковбойке», но строгих брюках. На ногах были мокасины.

Хозяев соседней квартиры звали Тарас Григорьевич и Галина Викторовна. Как-то они очень просто познакомились с Гриенталями, как-то само собою завязались приятные разговоры, да и чай был отменный. Духовитый. А пирожки! (От иных пирожков просто голову сносит, особенно, когда сидишь на овсянке неделями, я бы, кстати, их и сам пёк, но никак не могу постичь тайны защипывания теста).

Тамара Александровна и Александр Борисович одобри-

тельно, с удовольствием переглядывались – им нравились эти люди, их новые соседи, как вдруг Галина Викторовна сказала:

– Кис-кис, где ты, увалень? У ихнего кот – ужасный лентяй и прятальщик.

Тамару Александровну передернуло. Мало того, что употребили ужасное «ихний», так еще и неверно склонили. Ей хотелось быть и тактичной, и указать на ошибку.

– Их кот, наверное, знакомится с квартирой, – сказала она, через силу улыбаясь.

– Ихний его еще вчера завез. Да, это у мужа фамилия такая: «Ихний».

– Ихний Тарас Григорьевич, – улыбаясь подтвердил сосед, – прапрадед мой из запорожских казаков.

Придя домой, Гриентали молча совершили вечерние туалетные процедуры и, не разговаривая, легли в постель.

– У Ихнего музыка, – сказал, не подумав, Александр Борисович.

Тамара Александровна включила ночник.

– Так. Хватит с меня. Или ты или я – кто-то идет спать в гостиную.

– Томусик! Лапочка.

– Всё. Забыл об этом. Потерпишь. Каков наглец! Где ты нашел этих Ихних? Объявления давал?

– Зачем ты? Ты же сама говорила, что тебе нравится аро-

мат Ихнего чай, жена Ихнего интеллигентная дама.

– Я тебя убью сейчас.

Тамара Александровна лежала, и всё сознание ее клокотало. Всю жизнь она считала, что только грамотная речь очистит и возвысит душу народа, что говоря правильно, мы и жить будем правильно (она и мне выговаривала: «Как ты выражаешься, ужас!» – я только кряхтел).

Она представила, как говорит сотрудницам: «Ихние – люди милые и воспитанные», и делает паузу не там. На глазах выступили слезы.

Мы встретились с ней несколько дней назад. Она была холодна.

– Я должна предупредить тебя, хоть мне это и тяжело, – сказала она, отводя глаза в сторону, –

если ты намерен встречаться с Ихними, восторгаться Ихними... одним словом, или я, простая русская интеллигентная женщина, или Ихние.

– Тома, – сказал я искренне, – зачем мне Ихние, я ведь как Ихние – ни говорить, ни думать.

Вечером мы втроем читали Блока и плакали. От соседей доносилась музыка.

– Что за воспитание у Ихнего – мужа.

– Не лучше и у Ихней – жены.

Мы не осуждали их нравы, Боже упаси, но нам безумно хотелось отгородиться от Ихнего.

...

Цезарь и Клеопатра.

Ледневы собирались в гости.

Таисия Сергеевна – жена, очень милая дама лет так сорока «с хвостиком» – важно ходила по комнатам без тапочек, в только что вынутых из целлулоидной упаковки бежевых колготках, шикарном, декольтированном вечернем платье и черной, дорогой и легкой, как пух, дохе, накинутой поверх – следовало понять, идет ли это платье к дохе. То, что платье под дохой видно не будет, а в гостях, разумеется, доха будет снята – нужды не было.

Таисия Сергеевна периодически подходила к высокому, в пол зеркала и задумчиво подкрашивала губы. Не красила, а только пробовала. Дело в том, что с помадой следовало еще определиться. Ее, помады, было много, но вся была «не совсем та».

Петр Николаевич – муж, высокий и очень приятный – был уже в брюках, джемпере и даже в уличных сапогах, которые были, как обычно, изумительно, до восторга начищены. На голове его красовалась стильная аристократическая кепка,

которую Петр Николаевич начинал носить с первых заморозков, и до весны. Шапка-ушанка у него была, и очень неплохая, но она всю зиму хранилась на антресолях в чемодане – Петр Николаевич на морозной улице бывал не долго: только от подъезда к машине и от машины к подъезду.

Он сидел на маленьком топчанчике в светлой и уютной прихожей, дожидаясь жену, и разговаривал по телефону с коллегой – хоть время, как будто, было не рабочее, но дела оставались делами.

Владимир Николаевич был хозяином и, заодно, и директором крупной логистической фирмы.

Ледневы собирались в гости «просто так» – без повода. Просто провести часок-другой с хорошими людьми – Мухиными, которых знали тысячу лет. Просто поболтать. Просто, в конце концов, выпить по рюмке коньяка.

Вся квартира Ледневых представляла собой живописную картину беспорядка, порадовавшую бы любителей фламандской школы – по всем стульям и креслам были разбросаны перемеренные только что юбки и кофточки разных расцветок и кроев, диван был завален платьями и даже дачными сарафанами с кучей плечиков, лежащих поверх всего, как хворост. Для чего-то на столе еще лежала бабушкина шаль – не модная, к сожалению, но очень «богатая».

Атмосфера квартиры была праздничной, напряженной и бодрящей.

– Это ужасно, – говорила Таисия Сергеевна, разглядывая себя в зеркало, – это надо как-то убрать. Как-то вот так. Пенька! Договорись с Самойловым, пусть он уберет вот это!

И Таисия Сергеевна обхватила свою ногу выше колена и стянула, как ей казалось, «лишнее» назад. Повертев ногой влево-вправо, оценив желаемое, она распрямилась и подумала мгновение, и снова обратилась к мужу:

– Я думаю, надо вот здесь еще убрать.

Теперь Таисия Сергеевна оттягивала ладонями назад, к ушам щеки, и при этом разглядывала себя, изящно склоняя головку туда-сюда, будто кивая зрителям со сцены, – она прикидывала, как она отлично будет выглядеть после того, как Самойлов уберет «лишнее» со щек.

– Тася, – отрываясь от разговора, заметил Петр Николаевич (он был на редкость сдержан и отменно воспитан!), – ничего не нужно убирать. Только Самойлова зря тревожить. Я, наоборот, считаю, что тебе бы пошло чуточку пополнеть.

Таисия Сергеевна встрепенулась и оторвалась от зеркала.

– Как пополнеть! Живот нарастет сразу! Ты не понимаешь. Пополнеть! Разве в попе?

И Таисия Сергеевна изогнулась так, как и тренер фитнес клуба не сумеет. Но, что хотела, увидала.

– Чуточку пополнеть. В бедрах. У «звезд» секси теперь часто чуточку полные бедра – они лучше смотрятся на экране. А можешь и не полнеть, у тебя и так ноги «звезды».

– Врешь, – расплываясь счастливой улыбкой, объявила

Таисия Сергеевна, – про ноги – врешь! Ну-ка, смотри мне в глаза!

Она уселась прямо в дохе на колени мужу.

– Скажи честно: про ноги врал? В глаза смотри!

Петр Николаевич распрямился и убрал телефон на вытянутую руку.

– Может, мне разуться?

– Нет! Что ты! Времени нету! Вот посмотрим, как ты будешь себя вести у Мухиных...

Таисия Сергеевна встала и прошла в комнату к шифоньеру.

– Иваныча загружайте первым и немедленно в рейс, благословясь – «Альфа» платит всегда наличными, понимаешь? Такие клиенты на вес золота. А в «Бету» отправь Саныча. Только проверь, не пил ли он? По глазам проверь, как еще-то, если чеснок с салом трескает. Если зрачки узкие и подозрительно честные, без его шахтерской наглости, лучше замени. «Бета» подождет – они с нами за прошлое не полностью рассчитались, – учил уму-разуму своего зама Петр Николаевич.

От шифоньера раздался строгий, вопрошающий голос сурруги:

– Лапусик! А где мои черные зимние сапоги? Ты их не выбросил случайно? Стоит мне отвернуться на минутку, ты норовишь все выбросить! Если я узнаю, что ты их выбросил, – продолжала Таисия Сергеевна с чуть приметной дрожью в голосе, стряхивая, наконец, доху прямо на пол – стало и вправду жарко, даже и без дохи, – я не знаю, что с тобой сделаю. Убью, наверное.

– Тася, они в шкафу, где же им еще быть? – отвлекся от инструктажа сотрудника Петр Николаевич. Говорил он спокойно, с легкой иронией, просто было приятно слушать. Кстати, у него был мягкий, певучий баритон, который нравился женщинам. Телефон он не выключил, а прикрыл ладонью.

– Нету! Я все обсмотрела! Кстати, а где старые сапожки на каблуках, те, у которых сломана молния?

– Те, совсем старые-престарые? Ты же сама велела их выкинуть.

Слово «выкинуть», видимо, было педалью газа.

– Как выкинуть! Я хотела показать их Ляле, чтобы она отметила фасон и запомнила! Выкинул! Она на днях, решилась, наконец, куда-то съездить, и я думала: «А вдруг Ляля случайно увидит там похожие сапожки?»

Таисия Сергеевна без сил упала в кресло.

Сердце ее бешено стучало, в голове раздавался колокольный звон, мысли путались вместе со словами – это было ужасное состояние смертельно обиженной женщины. Жен-

щины, чье мнение не ставят ни во что.

– Ты занят только собой, – наконец, выдала она заключение.

Ей захотелось высказать мужу всю правду о нем, все, что накапливалось бесконечными годами страданий нравственных и хранилось в глубинах души.

– Ты никого не замечаешь, тебе все равно, как я выгляжу, что я думаю. Тебе наплевать, нет, не только на мои сапожки – на меня наплевать! Если бы мне было куда уйти, я бы давно ушла! Ты выкидываешь мои вещи, пользуясь своей силой, делаешь мне больно и наслаждаешься! Ты вампир! Энергетический вампир! Выкинул – и хорошо тебе?

Воздух в квартире искрил и переливался электричеством. Пахло озоном.

– Кузьмичу передай, чтобы пожарнику как-нибудь незаметно планшет всунул. Пожарник, конечно, прав – ворота должны наружу отворяться, а не как у нас – вовнутрь. Какой м... их делал, не пойму. (Петр Николаевич изредка выражался, а я теперь за речью слежу – не модно как-то.)

Продолжая разговаривать по телефону о пожарниках, воротах и мастерах, их строивших,

Петр Николаевич подошел, не разуваясь и не снимая с головы кепки, к шифоньеру, присел на корточки, и извлек из-под подолов шуб и платьев черные дамские сапожки. Поста-

вил их перед Таисией Сергеевной и, так же говоря со своим абонентом, подмигнув жене, вернулся в прихожую.

– Санычу скажи, пусть заскочит в «Дельту», ему по пути. Всего одна коробка, а что делать? Мы – фирма порядочная.

В прихожую зашла Таисия Сергеевна. Она была в сапогах, колготках, но без платья, а в одном лифчике. Лифчик был ажурным.

– Не сердись, лапусик, – нежно обратилась она к мужу, – я такая невнимательная, это у меня с утра – не увидать сапоги!

– Ты без платья? Может, мне уже разуться? – распрямился Петр Николаевич, относя руку с телефоном.

– Какое! Мы и так опаздываем! – Таисия Сергеевна прошла гвардейским шагом по комнате.

– Это платье, когда оно вместе с сапогами, смотрится, как у дуры какой или бабки. Я думаю, будет лучше надеть цветное и белые полусапожки.

Она стала красить губы перед зеркалом в прихожей, поглядывая на мужа.

– Какие вы мужчины нетерпеливые! Вам вынь, да положь. Посмотрим на твое поведение – иногда оно просто бесит, убить хочется!

И Таисия Сергеевна очаровательно улыбнулась.

На улице шел снег, и Таисия Сергеевна, воскликнув: «Ах,

как здорово!», сразу же уселась в машину, а Петр Николаевич принялся щеточкой стряхивать снежную шубку с капота, стекол и крыши.

Ему опять позвонили, и он ответил, и пару минут разговаривал, кивая через стекло супруге, которая нервно жестикулировала, сидя в салоне.

Они сильно опаздывали.

...

Очень важная мелочь.

Блаженство потому и создано мудрым Создателем коротким и ускользящим, чтоб было к чему стремиться. Постоянно. Иначе бы – оступели.

Вика и Толик вот только что пережили сахарные минуты блаженства, и потихоньку, как после гриппа, очухивались, возвращались к будничным вечерним делам.

«Было хорошо, но что-то мне мешало, и немного отвлекало, о чем-то я во время «этого» думала, и о чем-то постороннем, лишнем», – спокойно думала Вика, раздергивая синие с серебряными цветами шторы. Она рассеяно оглянулась и увидела стул, с небрежно висящей на реечной спинке Толиковой рубашкой. «Вот же! Она и мешала! В этой рубашке весь он!»

– Я просила тебя тысячу раз – не раскидывай вещи по комнате. Для рубашки есть плечики и шкаф, – сказала она спо-

койным тоном, таким, какой бывает в разговорах о новых мешках для мусора, новых налогах и тому подобное. Говоря эту фразу, она думала уже о том, что, может быть, неплохо испечь «шарлотку», или пусть лучше Толик сходит и купит готовый рулет, или еще лучше, нет, не рулет, а мороженое.

«Этот оператор надо убрать, и цикл из середины «тела» перенести в конец», – тихо-мирно размышлял Толик, глядя на крутящееся колесико в центре экрана, – «почему ей рубашка мешает? Висит себе и висит».

– Ты не слышишь меня? – Вика задала вопрос с апломбом, но больше «учительским», а не искренним. «Он что же, «свое» получил и теперь можно меня не замечать? И плевать на то, что я прошу!»

Она вспомнила вдруг, как на «посиделках» у Шапкиных Толик обидно и при всех назвал ее глупой. Пусть не назвал, но дал всем понять, что он ее глупой считает. Да, он сказал, уже и неважно что, но сказал, будто сам умнее всех! И сказано было обидно и уничижительно!

Ей захотелось обидеться. Мужчина это почувствовал загривком.

– Хорошо, хорошо, вот, убрал.

«Было бы правильнее вставить маленький код на «ассемблере» – будет быстрее», – Толик был программистом.

«Как он раздраженно захлопнул дверцу шкафа, как будто я придираюсь и требую чего-то необыкновенного. Как они врут, господа, как врут, что готовы на все, что звезды с неба

достанут и на стол высыпят, а сами получают – и забыли!»

Вика обиженно достала из-под стопки полотенце из шкафчика маленькую шоколадку.

Обертка зашуршала.

– Викуся, дай кусочек.

«Откуда у девчонок всегда припрятаны конфеты? И, главное, где?»

Шоколад был горьким и пах.

«Ладно уж, пожалею тебя. Сам-то никогда не догадаешься сделать сюрприз и что-нибудь сохранить. Вот конфеты – их же на видном месте нельзя держать! Вся коробку готов за раз съесть, если не уберу».

– Только кусочек, – Вика убрала шоколадку.

– Я хотела испечь «шарлотку».

«Если он уткнется сейчас в «комп» и скажет: «пеки», значит, я его умнее».

– Пеки. А чего ты от смеха киснешь?

– Ничего. А потом я подумала, может, ты сходишь и купишь мороженое?

«Проверить или нет? Почему бы не проверить? Глупый... и такой милый».

Вика обняла сзади Толика за плечи и коснулась тихонько губами его уха.

– Мы поедем мороженое, выключим свет...

«Вообще-то, только что было, не хочется, да и не получится. Цикл не забыть перенести. А вдруг, ей не хватило? Вдруг,

я, как партнер, нукудышный – слабенький, вяленький. А если получится – о! А «прогу» тогда ко вторнику сделаю».

Мороженое продавалось недалеко и прошло минут двадцать.

Они съели по кусочку, легли, и Вика посмотрела на стул. Стул стоял аккуратно задвинутый, без рубашки, которая висела в шкафу и больше не отвлекала.

И Вика блаженно закрыла глаза.

...

Зов короля.

Если вы спросите какого-нибудь вислогубого историка: сколько жен было у Английского короля Генриха Восьмого, он, нагло и бесстыже светясь глазенками, обученными врать по первому приказу (а врать для историка – первейшая задача! Сегодня князь Мстислав Удалой – чудо что за парень: и вояка, и неглупый весьма, а завтра этот же князь – гнида, своих же бил, единоверцев), историк этот начнет, загибая пальцы пересчитывать: Екатерина Арагонская, Анна Бoleyн, Джейн Сеймур... – шесть! Проклятые фальсификаторы истории человечества!

Вам повезло – вы встретили меня, я открою вам истину.

Дело было в мае 1509 года. Юный принц Генрих вместе со своим приятелем Чарльзом Брэндоном и совсем юным сэром Эдуардом графом Честерским – они были втроем – от-

правился на охоту. Молодых людей влекла конечно же королевская добыча – королевский олень, а олени в то время в большом количестве водились в лесах графства Глостершир, что на границе с Уэльсом. Погода была отличной: дубы и буки поэтично сверкали молодой листвой, поляны между деревьев были покрыты словно гобеленами цветущими колокольчиками и ирисами, дрозды, естественно, пели.

Молодые джентльмены, смеясь и рассказывая друг другу свежие придворные сплетни, ехали на благородных, кормленных овсом, конях, загонщики, в шитых золотом куртках, шли поодаль, но звуки их рогов были слышны, слышен был и лай собак. Вдруг погода стала кукситься. Небо затянула британская серая мгла, стал накрапывать противный, тихий дождик, звуки охоты стали приглушеннее, а вскоре и вовсе стихли, и молодые охотники остались втроем – без слуг, без пищи, без укрытия. Тетивы на арбалетах отсырели – об охоте уже нечего было и думать, думать надо было о месте ночлега, и тут до их ушей донесся слабый звук колокола.

Звонили к вечерней службе в аббатстве Тьюксбери. Охотники поспешили туда. Их приняли со всеми полагающимися почестями: накормили вареными бобами, напоили слабеньким монастырским вином и уложили спать. Генриху досталась большая, холодная келья с широкой лежанкой (на койляд там была такая – ума не приложу), без камина и с узеньким окном, куда свет и днем не проникал.

Генрих ворочался на лежанке, сна не было – бобы мало

насытили молодого принца, да и вино было кислятиной, вдобавок, от каменного пола дуло. Принц позвонил в колокольчик, открылась дверь, и в келью вошел молоденький послушник.

– Мальчик, принеси еще одеяло, – приказал Генрих.

Послушник ушел и вернулся с одеялом.

– Как холодно, – пожаловался принц, – где сэръ Чарльз?

– Они почивают, мой принц.

– Тогда ляг со мной ты, согреешь мне постель.

Послушник молча улегся рядом с принцем. Через некоторое время Генриху стало теплее, и он начал задремывать. В полусне он повернулся на бок и обнял послушника. И тут сон сдуло с Генриха! – его рука явственно ощутила на груди послушника два приятных упругих холма. Замирая от предвкушения, Генрих продолжил свои исследования и на известном месте обнаружил удобную скважину для своего ключика. Будучи уже в юности человеком решительным, Генрих, даже не читая «Патер ностра», в односекундье изготовился, и проскакал, считая лошадиной меркой, добрых миль две – три.

Угомонившись, принц встал с постели, подошел к двери и крикнул, чтоб ему сей же час привели капеллана. Явился старичок священник.

– Святой отец, немедля обвенчай меня с этим монашечком! – заявил принц обалдевшему капеллану. Меч принца и его арбалет лежали на лавке, а нравы знати той поры были

круты.

Священник, крестясь, раскрыл библию, зажег свечи.

Генрих с любопытством разглядывал свою избранную – это была очаровательная юная особа с белокурыми волосами, девушка лет пятнадцати.

– Кто вы, леди? – спросил влюбленный принц.

– Мэри Стаффорд, дочь лорда Стаффорда герцога Бэкингемского, – прошептала проказница.

Они были повенчаны прямо в этой же келье, возле этого же ложа...

Если бы не желчный характер царствующего короля – Генриха Седьмого, возможно, этот брак осчастливил бы Англию – ведь леди Мэри Стаффорд была прямым потомком Эдуарда Третьего Плантагенета, и права на престол сына ее и Генриха ни у кого бы сомнений не вызывали, но в дело вмешалась большая политика (будь она неладна). Папа король и думать запретил о леди Мэри, через месяц ее отправили на материк в Гиень, а принца Генриха женили на Екатерине Арагонской. Брак же в аббатстве Тьюксбери признали шуткой, каких немало потом откалывал Генрих, став королем.

Фокус в другом. У леди Мэри родился мальчик – первый и законный сын Генриха Тюдора.

Мальчик этот рос сперва при дворе французского короля, а потом, в период религиозных войн, перебрался в Италию,

где его следы теряются...

Я долго думал – где же обитает теперь законный король Англии, где-то ведь он живет?

И вот вчера, покупая курицу в гастрономе, я увидел свое отражение в зеркале витрины, и меня будто током стукнуло! Он – это я! Во-первых, фамильное сходство – я очень похож на прадеда Генриха, во-вторых, необъяснимое обычной человеческой логикой, с детства присущее мне желание не работать, а царствовать, наконец, третье – у меня постоянный, чисто королевский зуд где-нибудь повоевать. Неважно где, неважно с кем.

Я с гневом швырнул курицу обратно продавщице:

– Как подаешь, женщина!

Окружающие притихли и начали боязливо расступаться. Ага! Они тоже почувствовали присутствие короля! До курицы ли было мне теперь. Я вернулся домой – я понял, наконец, что я должен делать.

Мне следует вернуть себе престол моих отцов.

Этих несчастных Виндзоров я не буду казнить, просто укажу им на дверь. Парламент распушу – мой добрый английский народ от него слишком устал. Моих славных крестьян я освобожу от всех налогов – моей казне хватит поступлений, что приносит купечество. Мои рыцари будут поселиться вместе со мною за круглым столом, в окружении прекрасных дам, отлучаясь иногда для совершения подвига

– зла еще очень много на Земле.

Царствование мое будет долгим и счастливым. Я утешу сирот, протяну руку одиноким и поддержу влюбленных. Мой корабль под пурпурными парусами отходит к берегам Англии в Пасху.

Вы скажете: «Безумец, тебя сожжет огнем береговая артиллерия!»

Пусть так. Рыцарю лучше сгореть, чем киснуть в камерке и ждать неизвестно чего.

Рыцари, кто верен мне – за мной!

Ваш король Генрих Девятый.

...

Он ее муж, она его жена.

Миша и Маша были в браке уже целый год. Миша был женат на Маше и был ее любимым мужем, а Маша была замужем за Мишей и была, соответственно, его любимой женой. Понятно?

Миша очень любил Машу. Маша была красивой. (Здесь автор двадцать минут страдал, не умея описать девичью красоту, ибо он не филолог, а филексист). Еще она была не вредной и часто смеялась. Просто, закатывалась. Мише нравилось, как смеется Маша.

Маша так сильно любила Мишу, так сильно, и даже рев-

новала его к подругам – ведь Миша был такой мужественный, такой хороший, правда! и подруги должны были завидовать Маше и хотеть Мишу охмурить. Просто из подружечной вредности.

Миша ласково называл Машу «Белочка», а Маша Мишу «Зайчик».

На этом закончим валять дурака, и расскажем историю.

Миша работал на стройке, и был он монтажником сплит систем. «Лепил» кондиционеры. Тяжелая, неудобная работа, на мой взгляд. Работа на стройке, как почти и везде, поделена на простенькие, внятные кусочки, такие, чтобы человек ритмично делал оплачиваемое хозяевами дело «не задумываясь». Как автомат. Почему скобки? А вот почему.

Это произошло давно, когда еще люди верили в неминуемое завтрашнее счастье.

Мы все были не добрее, а отходчивее – мы проще оставляли обиды и не помнили зла.

Мы без раздражения слушали других, и иногда, открывали для себя в этих других мудрость.

Я принес известное лакомство для дружка – бутылочку «беленькой», и в прекрасном настроении ждал его – он, не торопясь, солидно доделывал свои делишки, чтобы мы сели на штабеля фанеры и спокойно пообщались. Например, по-

трепались бы о Тарковском. Все это происходило в помещении ремонтируемого кафе (вот, почему фанерные штабеля) – дружок мой был крутым мастером-дизайнером и умел валять стеклянные подиумы. Для чего-то в кафе такой подиум понадобился. Может, для стриптиза или показа коллекций одежды от кутюрье.

Я ждал и разглядывал мужичка, укладывающего керамическую плитку на стену. Разглядывал даже не его самого, а его движения – они были точны и лаконичны.

– Привет, – обратился я к нему, когда он чуточку отвлекся, – сложно, должно быть, класть плитку?

– Нет, – отвечал мастер (он говорил с легким акцентом, выдававшим приезжего из деревни), – главное, не думать. Начнешь думать – ошибешься.

Это с виду удивительное правило применимо к любой деятельности.

Миша или, уж давайте правильно – Зайчик, долбил перфоратором отверстия в крепком бетоне. Целый рабочий день.

Напарник его, Федя, подменял его на перфораторе, когда у Зайчика начинали уж больно выразительно трястись руки, кисти рук, особенно, но не часто.

Федя был послабее и в руках и в голове – он все-таки думал о чем-то. Возможно, об автокредите, который третий год

выплачивался напололам с мамой, работающей уборщицей в офисе, или о вонючках, не желающих работать хотя бы монтажниками кондиционеров и только и умеющих вякать против. Против «всех». Не знаю точно о чем, но думал, а это, оказывается, мешает качеству.

Да, погоня за идеальным качеством изделия – вот суть последних столетий капитализма.

Это в принципе его суть.

Качество или идеал достигается за счет минимизации человеческих ошибок. Их не много, когда работают (и думают) машины.

Отсюда и дешевизна товаров. Но не она цель.

Роботизация и наука в каждом шаге – служат только для достижения новой ступени комфорта.

Зайчик был почти идеальным работником – он ритмично сверлил и сверлил отверстия, не встречая дерзко со своим узкочеловеческим «я», а позволяя перфоратору спокойно, не напрягаясь проходить толщу стен, оставляя ровные ходы для трубок и проводов.

Как же, спросите вы, может человек не думать?

Тут дело вот в чем. Зайчик не совсем не думал, когда та-рахтел перфоратором. Он думал, но думал легко и не мешающе. Вгрызаясь в бетон, думал он о жене своей, Белочке, и думал, как муж, страстно. До тихого рычания.

«Вечером поужинаем, и я уж тобою овладею», – примерно так он думал, живо представляя свою красивую Белочку в постели, в его, Зайки, клетчатой рубашке – такой возбуждающей! А перфоратор только подначивал.

В паузах, меняя группу мышц, и готовясь долбить не отверстия, а штробы, Зайчик звонил Белочке и сообщал ей о своих мечтаниях. О рубашке и прочем.

Хотел убедиться, что любим и желанен.

Та слушала и смеялась.

Она работала на выкладке товара в супермаркете и таскала громоздкие тележки на резиновых колесиках по бесконечному залу меж витрин. Выложить товар на витрину – тут требовалась женская тщательность. Свежее молоко или соиски следовало положить поглубже, а «истекающие» поближе. Ценники нужно было расставить по возможности хаотично, но как бы не нарочно. Много разных тонкостей. Причем и тут задумывающийся ум мешал – будил что-то лишнее для нашей торговли. Что-то забытое уже.

Белочка никогда не задумывалась.

Видя пакеты с соком, голова ее фиксировала – «сок», а глядя на подложки с куриными желудочками, голова отмечала – «потрошки».

И так до конца смены.

О своем Зайке Белочка изо всех сил старалась не думать

– очень слабела тогда.

Признаю, и Зайчик и Белочка – идеальная пара граждан для рыночного общества.

Рыночное общество хочет, чтобы люди покупали с каждым месяцем все больше холодильников.

Зайчик и Белочка уже и копили на новый.

Рыночное общество беспокоится – кто будет покупать все больше и больше холодильников через двадцать лет?

Зайчик и Белочка намеревались «настрогать» столько детей, сколько здоровье позволит.

Будущих клиентов рыночного общества.

Рыночное общество не одобряет, когда кто-либо не пользуется холодильником.

Зайчик и Белочка использовали холодильник на всю катушку. Припасов в нем хранилось не счесть. На ядерную зиму.

Причем, когда съедалась какая-нибудь консервированная сайра, тотчас покупалась такая же и ставилась на освободившееся место. Про запас.

Мне печально, что ни рыночное общество, ни Зайчик с Белочкой не чувствовали – время их ушло почти. Капитализм на наших глазах в очередной раз испытывал трансформацию, и рынок баракла заменялся свободным обменом идей, не требующим бесконечного расширения клиентуры.

Идеи не прилично продавать, а покупать и вовсе смешно. Их глупо копить и сберегать. Да и вообще, понятие материального сокровища, кучи золота, лежащей в темном подвале, «газет-пароходов», уходит в историю.

Планета начинает самоочищаться.

От нас, разборчивых потребителей. И слава Богу, без войн и эпидемий.

Начну ли, нет?

Пятничным вечером Зайчик особенно долго задержался на своей чертовой работе – они с Федей не успевали смонтировать вредный кондиционер в одной богатенькой квартире, а директор тогда сказал им: «Как хотите, можете валить».

Парни понимали, что «свалить» им не простят.

Директор был редкостная гнида, но с заказами, и Зайчик и Федя отработали по полной. До десяти вечера.

И именно в этот же вечер пятницы менеджер по залу капитально подзадержала девочек, работающих на выкладке – в субботу у народа был какой-то праздник (у меня раньше тоже бывал праздник – Новый Год, а сейчас что-то и в этот день не весело), и ожидался наплыв посетителей-покупателей. Что еще в праздники-то делать?

Муж и жена встретились без четверти одиннадцать, и тот и та еле ноги волокли.

Они помыли руки, поужинали сардельками с макаронами (спорный выбор для ужина, но дело их), одним глазком посмотрели, как там Америка мается со своим президентом, несчастная, и, рухнув на кровать, мгновенно заснули. Ни о каких рубашечках в клетку и речи не было – всё на завтра, на утро.

Утром случилось неожиданное. Во всем доме отключили электроэнергию до обеда, и отключили, когда Зайчик и Белочка спали.

Они проснулись и захотели попить кофе – опа! А чайник-то и не работает.

В ванной темно и не романтично. Как в посудомоечной машине.

«Фоны» сели и не подзарядишь, а с вечера не догадались. Даже не позвонить!

И во всем доме стояла такая оглушающе непривычная тишина, как в пустом гробу, что захотелось не мужнину рубашку примерять, а сбежать.

И они сбежали.

Очень быстро, чтобы не разморозить холодильник, Белочка достала копченые колбаски, мясо, хранимое к случаю, лук, помидоры (я закончу, а то на нервы действует) и уложила их в большой Зайчиков рюкзак. У Зайчика был еще и скутер, но он к делу не относится.

Зайчик в этот же рюкзак положил ножик, пакет с углем, складной мангал и все-все, что необходимо для культурного

шашлыка.

Пара решила тупо съездить на природу – мясца поесть. А там, если людей рядом не будет, возможна и рубашка в клеточку.

Мясо на природе – дело стоящее. Даже и без дополнительных развлечений.

Я предупреждаю – фабула моя крутится вокруг понятного и невинного желания двух любящих сердец – погрузиться в тихую радость юных супругов. Все.

Никаких проломленных голов, ограбленных банков, череды загадочных убийств и будоражащих фантазию таинственных красавиц с иностранным говором и на черных «мерсах» в моей скромной истории нет.

Я, признаться, плохо запоминаю подобные истории.

Вот мой старинный товарищ, летный капитан Земцов Паша, тот вам чего только не расскажет под настроение.

Как-то мы с ним выпивали слегка, и, чтобы скрасить дегустационные паузы, он припомнил случай, произошедший у них в части.

Случай под названием: «Старая шинель полковника».

Командиром части, где служил капитан наш, Паша, был опытейший, матерый офицер – полковник Григорович.

Был он крепок телом, в движениях энергичен и слегка седоват, а еще имел он дочь Марину, девушку настолько кра-

сивую, что у молодых офицеров усы сами собою шевелились, а портупей нежно скрипели.

Но открыто и без согласования с руководством ухаживать за дочерью командира мешала субординация.

Среди них, молодых, то есть, офицеров, находился и такой лейтенант – Соколов, и был он в любви к женскому полу ненасытен, а неизбежных трудностей не боялся.

Был он ловок и собой хорош, и так, не прошло и месяца, как у них с Мариной установились по определенным дням свидания. В одно такое свидание дело лейтенанта Соколова настолько продвинулось, что еще чуть-чуть и садись, пиши эротику, но как раз чуть-чуть не преодолевалось.

Дело происходило глухой зимой. На улицах с черного, бездонного неба и, кажется, с самих крыш, деревьев и от прохожих снег валил мириадами снежинок, и ничего не было видно. Лейтенант и его возлюбленная находились у нее в жаркой квартире, точнее, в квартире ее папы, полковника Григоровича. Молодые люди были в Мариной комнатке и были уже полураздеты, они были уже во власти тех ощущений и переживаний сильнейших, заставляющих разум отключаться, и всё подчиняющих телесному. Лейтенант изнемогал. Он трудился над застежкой лифчика.

– Нет, не могу! – жалобно воскликнула Марина и оттолкнула его, – мне кажется, что папа рядом и следит за нами!

– Какой папа? Как он может быть здесь, когда сегодня он всю ночь в штабе – у нас учения на днях.

– Ты не понимаешь! Не сам папа, а его вещи. Его китель, например. Он просто кричит мне: «Марина! Дочь!»

Девушка села, обхватив руками колени. Пряди волос упали на лицо, а в нем светился стыд – она была удивительно прекрасна в эту минуту, просто модель для скульптуры «Со-
весть».

Лейтенант раздраженно вскочил с дивана, на котором протекала описываемая часть свидания, прошел в прихожую и снял с вешалки полковничий китель.

– Вот, это «папа»? Тогда пусть погуляет!

И лейтенант резким движением, как хулигана, выставил китель на балкон.

Он подсел к Марине и обнял ее.

– В шкафу еще один китель. Парадный. Пусть тоже погуляет, – смущенно попросила красавица.

Парадный китель отправился вслед за повседневным.

Лейтенант обнял милую.

– Нет, поверь, не могу. В той комнате, за дверью, еще висит папина шинель. Убери уж и ее.

Шинель последовала к кителям.

– Все? Нету «папы»?

– Кажется все. Была, правда, еще одна шинель, старая, да ее не найдешь.

– Еще одна?

Лейтенант прошелся по квартире.

Где-то в накопленном за годы гарнизонной жизни хламе

болталась старая полковничья шинель и не давала молодым покоя.

Лейтенант рассвирепел.

Он стал открывать все шкафы и кладовые, хлопать дверями, и был весьма воинственен.

– Нет, и тут нет! Где же ты, старуха латаная?

Внезапно, открыв очередную дверь, лейтенант обнаружил прямо перед своим носом старенькую, но добротную шинель.

– А! Попалась вонючка! Ступай на балкон! Проветришь!

И он потянул шинель на себя.

– Лейтенант Соколов! Смирно! – услышал шедший от шинели голос, и тут только увидел, что шинель была на владельце, полковнике Григоровиче, который стоял в дверях своей квартиры.

– Что делаешь у меня в квартире, лейтенант? – прозвучал строгий вопрос.

Ответ был экспромтом.

– Господин полковник! Разрешите доложить?

– Докладывайте.

– Ваша дочь, Марина, получила нынче со склада отрез шерсти на пальто, а нес сюда этот отрез рядовой моего взвода Фитюлькин. Позже этот же Фитюлькин обратился в санчасть по поводу зуда, и военврач капитан Матеус обнаружил у него полотняных вшей.

Чтобы не предавать дело огласке, я лично прибыл к вам на

квартиру, и в целях профилактики вымораживаю верхнюю одежду. Белье ваша дочь проглаживает лично.

– Молодец, лейтенант! Благодарю за службу!

И лейтенант ответил, как положено.

... ..

Зайчик и Белочка доехали на машине до поворота к озеру и обнаружили, что дорогу, ведущую к берегу, ремонтируют. Ремонт дорог – обычное дело в черте города, я бы сказал: штатная процедура, потому что какой же дурак поедет ремонтировать дорогу за сотню верст. Работа тогда приятна, когда она в шаговой доступности от жилья работающего.

Зайчик свернул направо, потом еще направо, а потом они немножко заблудились.

Неожиданно они выехали на хороший еще асфальт, проехали метров сто меж высоких кустов акаций и очутились на площадке перед полуразрушенным зданием.

Это были белые торжественные развалины какой-то старинной княжеской усадьбы.

Высокие арочные окна были пусты и не в пример нынешним «квадратикам» величавы, а широкие стены, показывающие мощную староредовскую кладку, нависали, как скалы и были тоже спокойны и надменны. Даже и без кровли.

– Что это? – спросила Белочка, – кто тут жил? Какие-нибудь господа?

Они вышли из машины и пошли вдоль фасада. Возле про-

лома, где раньше были двери, на стене оставалась табличка. «Городская психиатрическая больница» – еще можно было на ней разобрать.

– Тут раньше психи жили, – объявил Зайчик.

Молодые люди зашли внутрь здания и с робким интересом посмотрели в мрачную глубину пустых коридоров со светящимися дверными порталами в палаты.

Не было никого, но было жутко.

– А у психов тоже есть души, – сказала Белочка.

– Само собою, – подтвердил Зайчик, – их и лечат.

Они прошли еще чуточку и остановились в большой комнате, видимо, бывшем вестибюле.

На стене была намалевана стрелка, над нею бегущий человек, спешащий к единственной двери, а выше была надпись: «План эвакуации».

– Зайчик, – спросила Белочка, – а отчего говорят, что души болеют? Они же вечные?

Зайчик думал не долго. Он вспомнил, как у него как-то ломался перфоратор, когда Федя вставил в него не родные «щетки». «Щетки» – два графитовых стерженька, по которым к вращающемуся двигателю поступает электрический ток – искрили, будто бенгальские огни, а потом инструмент замер и больше не работал.

– Болеют, потому что собраны впопыхах, не правильно, с чужой деталью.

Он подумал еще, и опять о перфораторе.

– Или когда через силу заставляешь. Не рассчитано если на такую нагрузку. Понятно?

Белочке было все очень понятно.

И Зайчик с Белочкой вернулись к машине.

Белочка уселась, Зайчик «газанул», и они через мгновение выехали к берегу того самого озера, куда притащился и я, собственной персоной.

Я, в смысле, рассказывающий, а не тот «я», когда речь идет от первого лица некого персонажа.

Я припелся на берег озера по двум причинам.

Во-первых, я недавно обзавелся складным стульчиком, очень удобным, и мне хотелось его опробовать.

Во-вторых, я люблю смотреть на водную гладь. Вода тихо уходит из озера по рекам в другие озера, из них дальше – и в моря, а те уходят в океан, а у океана нет берегов – он бесконечен, как небо. И эта бесконечность утешает.

Зайчик и Белочка расположились шагах в тридцати от меня, и тут же занялись хозяйством.

Белочка расстелила скатерть, выложила на нее салфетки, тарелки, соль, закуски в баночках и закуски в кулечках, овощи для еды вприкуску и фрукты на десерт, колбаски, копчености и арбуз.

Зайчик шаманил с мангалом, возле которого стояло лошадиное ведро с маринованным мясом для шашлыка.

Я поглядывал на них, и гордо ел вареное вкрутую яйцо.

Мясо уже коптилось, когда молодые супруги, пошептавшись, дружно посмотрели в мою сторону.

«Что такое? Я не склонен давать интервью по выходным».

Белочка подошла ко мне и, смущаясь, сказала:

– Вы не могли бы приглядеть за мясом? Мы с мужем отойдем на минутку, он хочет посмотреть, нет ли грибов. Буквально несколько минут.

– Разумеется, – благосклонно ответил я, – поищите, авось и найдете. Я послежу.

Кругом нас были и другие отдыхающие, были и такие же, как и они, молодые пары, но Зайчик и Белочка выбрали для охраны теперь уже нашего обеда меня.

А я выбрал их.

... ..

Вас не должен разочаровывать такой финал. Я ведь не писатель, а историк – и слава Богу!

У писателей, да и вообще у творческих людей есть временной лимит – максимум десять лет, дальше – идиотизм. Мы, историки, от этой беды защищены, мы рассказываем правду.

Но вот вам реплика по-классике.

Когда Зайчик и Белочка пошли за грибами, на Белочке была клетчатая рубаха мужа.

...

Эпизоды.

Со мной произошла неприятность. Я на днях отправился в гастроном за молоком, мне вздумалось, сам не знаю почему, попить молока,— провалиться бы и этому молоку и гастроному, этот гастроном нехороший, бандитский и молоко в нем продают всегда вчерашнее, к тому же разбавляют его нещадно — прямо из водопровода. Уже подходя к крылечку гастронома, где обыкновенно толчется разный сброд — почему их всех не арестуют, не пойму — я заметил одну любопытную старушеницу, стоящую позади ящика с замороженными куриными лапками — она ими торговала — сухонькую, живенькую, из тех, что протискиваются в переполненном автобусе со своей сумкой — тележкой и так могут наддать локтем, что хочется ругаться. А уж гонору — то, гонору у них — словно их прабабушки были фрейлинами императрицы. «Интересно, однако, где она берет эти лапки?» — подумалось мне. «И откуда вообще берутся такие старушки?» И я решил потихонечку за ней проследить.

Купив молока, я не пошел домой, а стал прогуливаться возле концертных афиш с фотографиями разных наглых харь и ждать. Стал падать снег и день как — то потемнел, стал мрачнее.

Наконец, старушеница закончила свой бизнес и пошла в

сторону моста, за которым раньше

тянулись грибные болота, а теперь все оптовые рынки, ба-
зы, и прочая дрянь. Мы взошли на мост – старушка и, в ша-
гах десяти сзади нее, я. Снег резко усилился, стал тяжелым,
густым – я уже не успевал отряхиваться и еле различал впе-
реди силуэт старухи. Вдруг она встала. Я сделал еще шаг,
еще. Из снежной мглы выделась фигура женщины – но, ка-
жется, вовсе не старой, с капюшоном на голове. Я вгляды-
вался под капюшон, пытаюсь разглядеть лицо, но видно было
очень плохо – снег шел такой, что я и ног своих не видел.
Шагать я уже не мог, а в снежной мгле, нас окружающей, бы-
ло что-то недоброе, нехорошее.

Там, за снегом скрыта была тайна и этих старушек и их
странного товара.

– Стоишь? – спросил меня вкрадчивый, мягкий, как у дик-
торши из новостной программы, голос из-под капюшона. –
Стою, – ответил я. – Ну и стой, цыпленочек, мерзни, – и фи-
гура исчезла. Я постоял немного. «Что я делаю на мосту?
Какой я цыпленочек? Надо бы возвращаться», – решил я.

Но тут я почувствовал, что подошвы мои прилипли к ле-
дяной корке асфальта. Я попытался шагнуть, сделал рывок
– ноги были ватные, не слушались, а холод уже начинал ско-
вывать колени.

Тут яркий свет фар ослепил меня и рядом остановился
грузовик. – Чего по проезжей части гуляешь? Пьяный что
ли? – Из кабины выглянул крепкий мужичок – водитель. –

О, да ты весь белый, ну, садись, подброшу. – Да я примерз. – Чего там замерз, залазь.

Мужик за плечо приподнял меня и затянул в жаркую кабину ...

Словом, кончилось все это дело так и без разгадки тайны – кто та старуха и где берет товар. Не смог я постичь «ихнего» бизнеса – не мое это. А сколько их – таких вот старушек. Вы их видели, конечно. Они торгуют зеленым луком, цветами, женским бельем, ну, всякой дрянью. Кто или что за всем этим стоит? Что за силы? Платят ли, например, эти старушки налоги? Недавно ко мне обратился мужчина на улице – предложил купить у него набор инструментов. А сам страшный такой – лицо, как у уголовника. Я подумал: «Эге, парень, и ты из их компании». Это просто национальное бедствие – сколько народу затянута в эту темную деятельность.

А у меня теперь с ногами проблема – я даже стал стесняться выходить к гостям босым. Дело в том, что с виду мои ноги просто ноги, но если их хорошенько просветить, например, поднести к пятке зажженную свечу, через человеческую кожу явственно проглядывает куриная лапа. Зажженная свеча у пятки вообще хороший тест в таких делах.

С некоторых пор я стал носителем чужой тайны, – ощущение, скажу честно, не из приятных. Все время приходится следить за собой, чтобы как-нибудь ненароком не обмолвиться и не подставить, в сущности, очень хороших людей.

Началось все несколько дней назад, когда, лежа на диване и думая ни о чем, я заметил щель между плинтусом и полом. Странно, но мне показалось, что раньше этой щели не было. «Надо бы вызвать мастера, да ведь ему платить придется, да и есть ли теперь мастера?» Несколько минут поразмышляв о ремонтах, о подлости такой вот ситуации, когда интеллигентный человек вынужден терпеть всякие пакости, я отвлекся от щели и почти уже и забыл о ней, а тут наступил вечер, время ужина, кино, а там и спать пора. Я лег и хотел засыпать, но тут случайно посмотрел на плинтус. В спальне было довольно темно – луна то появлялась, то исчезала за тучами, и из окна свет падал тусклый, но очертания предметов в комнате различать удавалось.

Так вот, мне показалось, что щель стала еще больше – такая большая, что из нее кто-нибудь мог свободно за мной следить. Я включил ночник и, сощурившись, взгляделся в щель. Ничего особенного. Погасил свет и начал задремывать. И тут явственно услышал, как что – то ползает по полу. Я включил свет – ничего. Выключил и полежал немного с открытыми глазами, – да,

явно что-то шевелится, причем именно возле щели. Включил свет – ничего. Хотя что – то, как мне показалось, спряталось в щель. Я смотрел на щель – она была черной и бездонной. Меня пугала и бесила беспомощность перед этой щелью – я понятия не имел, как от нее избавиться.

« Не хватало еще, чтобы какая – то «дрянь» шарилась в

моей спальне». Я пощелкал выключателем и тут – «бац»! – в ночнике перегорела лампочка. «Ну и ладно», – подумал я, – «Следите» – и лег лицом к окну. Я лежал, собрав все мужество и выдержку джентльмена, на какие был способен. Ночь была тиха, так тиха, что я слышал стук собственного сердца – в комнате что-то двигалось. Это что-то мягко переползло от щели ко мне, вот оно оказалось совсем рядом. И тут я ощутил легкое щекотание у себя на шее – как будто что-то усатое меня обнюхивало.

В этот миг луна неожиданно выглянула и засверкала во всю свою мощь. Я резко обернулся – щель, просто щель, и все – таки, я успел увидеть нечто, от чего у меня добавилось седых волос на висках.

Утром, придя на работу, занимаясь текущими делами, я все думал: «Сказать или нет, сказать или нет?» Наконец, сил уже не было, и я пошел. Я постучался в дверь кабинета начальника техотдела. – Да, войдите. Я подошел к столу. – Елена Васильевна, я должен вам сказать, я все знаю. Я не спал эту ночь и видел. – Замолчите, – остановила меня она. Возникла пауза. Я поднял глаза. Лицо ее было белым с узкими черными щелками глаз.

Она достала из ящика стола маленькую коробочку и высыпала из нее на стол кучку механических насекомых с усиками антеннами и глазками камерами.

–Опытные образцы. Сами понимаете, прежде чем отправить «жучков» заказчику, нужно было проверить их в деле.

–Но почему я?

–Нужен был порядочный, очень надежный человек для эксперимента.

Слушая Елену Васильевну, я млел. Чувство гордости распирало меня, ведь я удостоился чести стать избранным. Меня считали порядочным и надежным! Разве это не счастье?

–Нужен был истинный сын отечества! – голос ее стал металлически – парадным.

–Ознакомьтесь и подпишите. Она протянула мне бланк расписки о неразглашении тайны.

– Хорошо, идите.

Я пошел к двери.

– Я рассчитываю на вашу скромность,– сказала Елена Васильевна чуть дрогнувшим голосом. Я молча наклонил голову. Усики над ее губой шевелились.

Теперь мне придется жить, держа язык за зубами. По ночам в моей спальне по полу ползает что-то невидимое, а недавно из раковины в туалете показался чей-то усик. Угрозило же меня быть джентльменом в наши дни!

Я отвез наше старое трюмо, доставшееся нам еще от моей бабушки, в скупку в антикварную лавку. Этому предшествовало несколько неприятных эпизодов. Началось все как – то утром, когда, собираясь на работу, Анна красила себе губы перед зеркалом.

– Скажи, я действительно так ужасно выгляжу или это зер-

кало врет? – Конечно зеркало, – рассеяно ответил я, – ему уж сто лет с лишним. – А на самом деле я красивая? Честно? – Лучше всех.

Анна ушла, чмокнув меня на прощание в щеку своими мягкими и теплыми губами, а я поплелся выносить мусор. Во дворе дворник Сергей Иванович собирал опавшие листья. Увидев меня, Сергей Иванович высморкался, используя большой и указательный палец, вытер руку о куртку и протянул ее мне. Мы поздоровались и, просто чтобы сказать что-нибудь годящееся для разговора, я произнес: – Анна моя все фыркает, дескать, зеркало у нас старое и отражает как-то не так, а по мне так все равно.

Произнося эту фразу, я совсем упустил из виду то, что Сергей Иванович отработал лет десять в институте оптической механики, пока их там всех не сократили, так что тема о зеркалах была ему близка и приятна. – В принципе, любое отражение света немного изменяет длину его волны, поэтому все отражения врут. Можно, конечно, так подобрать зеркала и линзы, чтобы ошибки убрали друг друга, и тогда получится реальная картина, – и он пустился в научную диссертацию.

Я вернулся домой. Проходя через комнату, я мельком посмотрел в трюмо. Усталый благородный взгляд, мудрый лоб – я был доволен своим внешним видом. Дальше я включил компьютер и углубился в работу. Спустя час или около того мне позвонили и я включил видео. Собеседник видел меня

именно таким, каким видел себя и я сам – чуть ироничным, достаточно интеллигентным. И тут, случайно скосив глаза, я увидел отражение этого образа в трюмо. Мне стало как – то не по себе – в трюмо отражалась рожа кретина с доверчивыми глазами, полными надежды на лучшее. Я извинился, прервал разговор и подошел к трюмо.

Нет, все было в порядке, лицо было мое. Что же это? Показалось? Или, как говорит Сергей

Иванович «ошибки убрали друг друга?» Для успокоения, я занялся осмотром и приведением в порядок лыж, хотя по календарю для них было рановато.

Ночью, часа в три я встал. Анна спала, завернувшись по макушку в зеленое одеяло, так, что был виден только пучок волос. Но я не мог терпеть – мне нужно было взглянуть. Я подошел к трюмо, и, повернув его тихонько, чтобы отразилась кровать, включил компьютер. На кровати лежало нечто похожее на толстую гусеницу. Что за дрянь! Я взял стоящую у стены лыжную палку – я так и не убрал лыжи с вечера – и осторожно, глядя в трюмо, потыкал ею в гусеницу. Гусеница пошевелилась и замерла. Она казалась мягкой и теплой, а с одного конца у нее торчал пушистый хвостик. Я потыкал еще и еще – гусеница извивалась и сворачивалась клубком. Изо всех сил я всадил палку в зеленый бок – оттуда потекла черная жижа. Я выскочил на кухню, включил свет. Брезгливо осмотрел лыжную палку, но она была сухой.

До утра я сидел на кухне и отгадывал «судоку».

Утром на кухню вышла Анна. Глаза ее были припухшими, но даже такая она была необыкновенно хороша собой. – Ужасно спала сегодня, – сказала она, – как будто меня всю ночь

палкой били. Милый, а ты мне кофе сварил, спасибо. И она чмокнула меня в щеку своими

МЯГКИМИ И ТЕПЛЫМИ губами.

Мысли об ошибках, которые «убирают друг друга», непрестанно крутились в моей голове. «Тут что-то не так, дело не в компьютере, все гораздо проще», – томила меня

смутная догадка. Я подошел к трюмо и взглянул – все как обычно. И вдруг я на секунды прищурился – так, как я щурюсь, занимаясь с компьютером. Из зеркала чуть не высунулась

знакомая уже рожа кретина. Я отшатнулся. Значит, чтобы видеть, нужно правильно смотреть. Хорошо бы тогда знать – где истина?

Минут десять я сомневался, наконец, решение пришло само собою. «Вот наши отцы – учителя, те, кто печется о жизни моей, кто объясняет мне, недалекому, что для меня благо и что зло. Их полный достоинства вид, их мудрые лица, неторопливые, исполненные значимости речи, – вот отличная проверка для этого зеркала!»

Я порылся в программе передач, нашел нужную и включил изображение. Затем поправил трюмо и, робея и томясь от нехорошего предчувствия, посмотрел в зеркало.

Картина, достойная кисти Босха, ослепила и оглушила меня на мгновение. Я увидел отечные, испытанные лица с мешками под глазами от непрерывных оргий, Оскаленные желтые клыки с падающими каплями пенистой слюны, услышал жуткий ведьмин визг, казалось,

это шабаш. И скоро он достигнет своей кульминации, и все эти господа займутся свальным блудом. Я отскочил от трюмо, проклиная дрянь и мерзость таких вот «прозрений», выключил комп.

Трюмо это и сейчас еще стоит на продаже – я ходил, проверял. Когда я проходил мимо, я отворачивался в сторону, чтобы как-нибудь ненароком не взглянуть в старое зеркало - все – таки знать истину – непосильное бремя.

У меня радость и забота, но по порядку. После трех месяцев поисков я нашел, наконец, работу. Работа в офисе крупной тепловой компании. В наших широтах тепло всегда в цене, – естественно, я ухватился за нее, тем более что занимать деньги было уже негде.

Шеф моего отдела производил впечатление очень выдержанного, корректного человека. Он сразу ввел меня в курс дела. «Если что не ясно, Федор Иванович вам все расскажет», – добавил он. Я оглянулся – мне приветливо улыбал-

ся пожилой, как мне показалось, мужчина с довольно измученным лицом. «Федор Иванович, понятно», – отметил я. В обед, спускаясь в кафе, я столкнулся с Федором Ивановичем, несшим пакетик с кефиром и булочку. Мы кивнули друг – другу как знакомые. – А вам, простите, сколько лет? – неожиданно спросил он. Я ответил.

– Долго еще, – заметил он, – а я через месяц на пенсию. Дожить бы, – добавил он как-то вполголоса. Я пожал плечами.

Через пару недель работы, когда я уже совсем освоился на новом месте, в один из дней меня

вызвал шеф. Я вошел к нему в кабинет и увидел, что Федор Иванович тоже тут.

– Вот что, друзья, – сказал шеф, снимая очки и массируя переносицу, – у меня к вам будет просьба, надо помочь. Мы с Викторией Петровной, – Виктория Петровна – жена нашего шефа, я это уже знал от сотрудниц, – купили унитаз на распродаже. Там приличная скидка, плюс монтаж за счет фирмы. Сегодня они придут устанавливать его, а наш слесарь куда-то запропастился. Так вот, – шеф по-доброму взглянул мне в глаза, – сходите – ка вы с Федором Ивановичем ко мне домой, выкиньте старый унитаз, Виктория Петровна уже в курсе и ждет вас. Потом – свободны, можете считать, что у обоих отгул на сегодня.

Мы вышли в коридор. – Подождите, я кое-какой инструментик прихвачу, – сказал Федор Иванович, я встал у окна.

Меня бил озноб, на глазах наворачивались слезы, мыслей не было, а был стон ума – и все. Как мы дошли до дома – не помню. Нам отворила дверь молоденькая девушка в униформе – видимо горничная. Мы прошли через вестибюль в комнаты. В гостиной на диване полулежала ухоженная дама в пижаме. Одной из ее ног занималась девушка с азиатской внешностью – она полировала даме пятку шлиф машинкой. Дама, очевидно Виктория Петровна, разговаривала с кем-то невидимым и не слышимым. Она отвлеклась от разговора,

– Туда идите, налево по коридору, – поскольку руки ее были заняты, она указала направление

холеной барской ногой. Мы вошли в туалет. Федор Иванович занялся унитазом, а я стоял,

совершенно опустошенный и без конца проигрывал эту ситуацию с разными моими ответами.

То я брал шефа за воротник рубахи, приподымал его со стула и говорил: «А идешь ты со своим унитазом!», то брал Викторю Петровну за ее холеную ногу, сдергивал ее с дивана и говорил: «Встань, люди пришли!» Федор Иванович тем временем выдрал унитаз с корнем и поволок его на помойку. – Вы пока смотрите, учитесь, – сказал он мне. Я смотрел в зияющее отверстие канализационной трубы и меня тошнило. Заглянула Виктория Петровна: – Что это у вас так пахнет, хоть прикройте чем-нибудь. Гуля, – сказала она в комнаты, – дай мальчикам тряпку.

Появилась горничная и дала мне тряпку. Я приблизился к

черному круглому отверстию и сел на корточки. Сейчас заткнуть его и на воздух, на волю. Из трубы из темно-коричневой гущи к полу свисало что-то желтое и блестящее. Быть не может! Я снял пиджак и осторожно взял это что-то. Потер пальцами. Золото – так и есть. Золотая цепочка. Сердце мое колотилось как у спринтера. «Только бы никто не зашел», – стучало в голове. Я потянул за цепочку, но она

видимо зацепилась за что-то в глубине трубы. Я закатал рубаху по локоть и сунул руку внутрь.

Там жижа была гуще, а местами и вовсе твердая – приходилось отковыривать ее ногтями, но

дело шло. Я уже освободил сантиметров двадцать цепочки и тут сзади раздалось:– Ну, зачем

так усердствовать? – Федор Иванович, чтоб ему провалиться, вернулся с помойки. Я спрятал

цепочку внутрь, заткнул трубу тряпкой и молча вымыл руки.

Теперь у меня забота: как под каким-нибудь благовидным предлогом попасть в туалет моего шефа и основательно покопаться в дерьме – его и Виктории Петровны. У меня по этому поводу хорошее предчувствие. Да, Федор Иванович вышел на пенсию.

Мы сидели с моим приятелем на кухне и обсуждали наши вредные привычки – их было много.

Они мешали, они конфликтовали со строгой моралью ны-

нешнего общества.

Меня особенно беспокоило курение – оно становилось все обременительнее по деньгам, а как

бросить – на ум не приходило. Приятель, недавно прочитавший какую-то статейку про психов, заливался соловьем: – В принципе, твоя тяга к курению мало связана с физиологией, бросив курить – ты не помрешь, просто ты привык делать некий ритуал в моменты отдыха, когда пьешь кофе, например, или просто торчишь на лоджии. Это вторая сигнальная система -

дрессировка, говоря проще. Ты мог бы, вместо курения делать абсолютно все, что угодно -

привыкнешь – и будешь получать то же удовлетворение. – Что, например? – Что? Да хоть лай по-собачьи.

Предложение меня позабавило. «Что если попробовать? Что если, когда курю, негромко лаять? Тогда и курить буду реже, да и не везде – это меня хоть как-то дисциплинирует».

И я решил начать.

Дело пошло легко. Я покуривал и полаивал, естественно, выбирая места поукромнее. Я и раньше старался не провоцировать сограждан, чтобы мужчины в общественных местах не плескали мне в лицо мочой, нарочно приберегаемой в карманной фляжке, чтобы высказать свое недовольство по поводу вопиющего безобразия, которое я себе позволил. А молодые мамы, показывая на меня пальцем, не говорили

своим чадам: « Вот смотри, плохой дядя, ведет себя как бандит». Теперь же я курил и лаял в основном у себя в туалете. Спустя неделю я заметил, что курить-то мне не особенно хочется – сидеть без нужды в туалете скучновато, – зато появилось неудержимое желание изредка повить и полаять по собачьи. Я не придавал этому большого значения, но ряд последовавших событий чуть не изменил мою жизнь. Первый случай произошел в субботу, когда мы с Анной валялись в постели. – Я в душ, – сказала Анна и ушла, а я взял кружку с кофе и отхлебнул. В дверь постучали. Я открыл, на пороге стояла соседка.– Уймите, наконец, свою собаку. Воеет и воеет. Хоть бы погуляли с ней что ли. Соседка ушла. «Надо бы держать себя в руках», – подумал я.

Появилась Анна: – Мне в ванной слышался собачий лай – это у соседей что ли? Я соврал, что

включал передачу про животных. Дальше такие срывы пошли все чаще – держать себя в руках не удавалось. Как-то, выйдя из гастронома, я сел на лавочку, вытащил из пакета чек и стал

прикидывать, сколько раз я еще смогу сходить за едой в этом месяце.

– Гражданин, алкоголь употребляли? В каком количестве? – Передо мной стояло трое полицейских с укоризненными лицами.– Я не пил. – А чего общественный порядок нарушаем?

Полицейский выразительно похлопывал своей дубинкой

по выразительной ладони. Ладонь эта словно говорила мне: «Взять бы тебя за шиворот, да в камеру».

– Что же я нарушил – я не пью, не курю, не ругаюсь.

– Тявкаете больно громко, – и сержант выписал мне штраф. Я позвонил приятелю: – Слушай, жить становится просто опасно – лаю, как пес, и не могу сдержаться. Штраф вот выписали, а могут ведь и посадить! Выручай! Что можно делать вместо лая? «Ура» что ли выкрикивать? – Ладно, что-нибудь придумаем, а ты пока успокойся, покури что ли.

И я закурил.

Меня тревожит качество товаров и услуг. Качество жизни. Вот вам день напрочь потерянный

из моей жизни. Я решил побаловать себя сардинами. В магазине полки с рыбными консервами поразили меня своими ценниками, казалось, рыбу везут с Марса. Я взял банку сардин и потряс ее – внутри что-то мерзко захлюпало. – Мужчина, вы берете или что? – Сзади на меня напирала дама с тележкой. Я пошел к кассе. Дома я сомневался некоторое время, потом открыл банку.

Запах был нормальный, только вот спинки рыбы были какими – то странными. Я ковырнул вилкой и вытащил из банки круглый глаз с полуоткрытым вертикальным зрачком. Мне стало нехорошо. Я вытряхнул содержимое банки в унитаз – при этом что – то погано хрюкнуло – и два раза смыл. Потом для спокойствия насыпал в унитаз соды и вылил два

ведра кипятка, надеясь, что обратно ничего не полезет. Перекусив напоминающим пластилин хлебом, я стал смотреть вечерние передачи и начал с юмористической. Но развеселиться не удавалось. Зал уже хохотал, а до меня только начинал доходить изящный смысл сказанного. Зал приглашал меня присоединиться к коллективу и ржать по команде. К тому же шутки периодически прерывались рекламой, где веселая девушка рассказывала про средство от запора – это порождало печальные мысли. Я переключал каналы – «боевики», финансовые новости и опять юмористические шоу. Коллектив отовсюду лез ко мне. При этом фальшивил, «гнал брак», но настойчиво предлагал мне отведать этой некачественной кухни, зорко следя за мной своим вертикальным зрачком камеры. Он даже заботился о моем стуле. Мне не хотелось коллективного.

Пришла Анна.– Сегодня у нас романтический ужин,– объявила она. Мы зажгли свечи, открыли бутылку сомнительного вина. Я смотрел на Анну. «Искусственные волосы, зубы, грудь – все это для того, чтобы ее любить и даже не любить, «употреблять», а ведь где-то скрывается брак. Ложь. Где же?» И тут у меня по спине побежали мурашки. «Посмотри ей в глаза,– зашептало у меня в голове, – посмотри в зрачки». Но я не мог, я знал, что увижу. Анна плавно встала.– Я жду тебя,– раздался ее соблазнительный голос из спальни. Я пошел на подгибающихся ногах.

Спустя несколько минут мы вновь вышли в гостиную. –

Какой – то ты был сегодня робкий, – она улыбнулась и добавила, – некачественный.

«Некачественный!» Моему терпению пришел конец. «Ладно я, а ты-то, ты-то куда лезешь? Эксперт по качеству нашлась». Я надел пальто и пошел гулять. Ночь была хороша, светили миллионы звезд и сирень благоухала. Какой качественной казалась эта жизнь, если не присматриваться. Излишняя наблюдательность вредит.

Видимо, надо было съесть те сардины, чего привередничать.

Когда я был юн и неопытен, я тоже верил разным сказкам. Например, мне верилось, что заработать деньги – проще простого. Я был студентом и, как все мои однокурсники, искал легкие способы подработки. Однажды мне случайно подвернулась работенка – помогать мастеру по ремонту квартир. – Там подержать, тут поднести – не успеешь устать, как тысяча у тебя в кармане, – проинструктировал меня он, – работа чистая.

Мастер с виду был похож на разбойника, этакий Кудеяр, очень уверенный и грозный.

В квартире, где предстояло трудиться, нас встретила маленькая суровая женщина – хозяйка.

– А это кто? Больно юный, – спросила она, недоверчиво меня разглядывая. – Ученик, – коротко пояснил мастер, – где кухня? Нам предстояло поменять

кухонную дверь. Мастер снял с себя клетчатую рубашку и повязал ее вместо фартука. Он был строг и нетороплив, как опытный хирург. – Не переодевайся, работа чистая.

Я радовался удаче.

Старую дверь мы сняли довольно легко – мы ее просто выломали. Скорость дела вселила в меня уверенность, что тысяча сама катится в руки. Немного огорчило то, что мой новый джемпер запачкался, как половичок у нас в общежитии, но мастер меня укоризненно пристыдил, добавив, что с «халтуры» я могу себе и новый купить.

– Вот, смотрим сюда, видишь – пузырек воздуха посередине, значит, все верно, – поучающим тоном говорил он мне. Мастер устанавливал дверную коробку и без конца прикладывал к ней уровень. Зашла хозяйка. – Верх надо чуть в комнату повалить, вот так. Я очень вредная, – добавила она уходя. – Кокетничает баба, ровно дверь стоит, – буркнул мастер.

Я взял уровень и, стесняясь, приложил его к двери. – Уходит пузырек, – ужасаясь собственной наглости, прошептал я. Мастер выхватил у меня уровень и стал прикладывать его разными сторонами. – Врет, все врёт – не умеют делать! Да и пошел ты, игрушка китайская! – мастер открыл окно и, как дротик, метнул уровень во двор. Со двора донеслись чьи – то стоны и брань.

– Хозяйшка! – закричал он в полный голос, – принеси – ка нитку! Нитку принесли. – Поглядим теперь – равна ли дверь или уже и Ньютону не поверим?

Мастер привязал к нитке отвертку

и, пользуясь таким отвесом, стал проверять качество работы.

– Ну? Теперь ровно?

Я смотрел на качающуюся нитку и боялся признаться – я абсолютно ничего не понимал.

Зашла хозяйка.

– Верх чуть наружу повалить, вот так. Вредная я. Очень. Она ушла с поджатыми губами, а в глазах ее уже вспыхивали огоньки недоверия. Я изнывал от паузы, которая тянулась и тянулась.

– Кокетничает, внимание привлекает, а у самой ноги кривые. Ладно, не хотите по-науке, пусть будет по-народному!

Мастер мощно шлепнул своею широкой ладонью по верху незакрепленной двери.

– Держи, мать твою!

Дверь грохнулась на пол. Стекло, украшавшее центр двери, раскололось на тысячи изумительно сверкавших, но бесполезных осколков.

– Что же ты, студент, не держал? Для чего тебя тут учат? Вошла хозяйка.

– Дверь две тысячи стоила, теперь новую брать.

– Возместим, не на улице, – мастер достал деньги. – А ты что? Убытки пополам.

Я полез за деньгами.

На улице я спросил мастера: – Часто платить приходится?

– Когда как. Да тут хозяйка больно вредная. А вообще, двери устанавливать выгодно – чистая работа.

Тогда я был юн и наивен. Теперь, когда мне предлагают «чистую» работу, я прячу подальше банковскую карточку.

Я стал свидетелем чуда. Чуда экономического. Нет, на меня не сошло озарение свыше, просто

мне открыл глаза мудрый и добрый учитель, наставник – Иван Кузьмич, слесарь – сантехник

обслуживающий здание, где расположена наша фирма.

Был канун праздника, а я все мучился со своей работой. Я работаю в рекламном отделе фирмы, которая торгует туалетной бумагой. На рулончике этой бумаги изображен скромный зайчонок – наш товарный знак, не менявшийся уже лет десять. Мне подумалось, что неплохо бы вставить этому зайчонку в лапки елочку, и я подошел к начальнику отдела с эскизами. Сергей Петрович – угрюмый ворон – выслушал ехидно мое предложение. – Елочка на туалетной бумаге! Да вы, Леня, садист. И потом, что это вам приспичило вдруг работать, Странно даже. Пойдемте – ка к директору, он что-то всех собирает. «И пойдем, может, там меня услышат», – подумал я.

У директора сидели все наши. Директор прохаживался по кабинету, оглядывая нас орлиным взором. – Вот что, колле-

ги, – начал он, – сегодня у нас корпоратив. Хватит, поработали, подняли, так сказать, ВВП. Мы решили провести корпоратив совместно с «колготочницами» – так он называет соседнюю фирму – будут дамы, музыка. Вот, Николай Иванович, возьмите – ка, – он протянул начальнику отдела логистики пачку жевательной резинки, – раздайте своим.

– Вы отвечаете за тосты, вы за музыку, Сергей Петрович, а кого мы пошлем за вином? – Кого

послать? Да Леонида послать. И меня послали за вином, не дав поговорить о работе.

На улице в первые секунды я оторопел. Днем я обычно сижу в офисе, поэтому не ожидал увидеть такие толпы народа. Все тротуары были заполнены людьми – одни шли в моем же направлении, другие навстречу. У всех на лицах было суровое и торжественное выражение

– как будто они только что опровергли Карла Маркса. Проезжая часть улиц была забита автомобилями, тоже движущимися в обоих направлениях, лица у водителей имели общее со

всеми выражение. Но что творилось в гастрономе!

Толпа кипела. Был самый разгар рабочего дня, но народу было столько, сколько не приходит

и на средней величины завод. Тележки стремительно заполнялись деликатесами, а мужчины

особенно усердствовали возле винных полок. Бралось все подряд. Меня поразил один

покупатель, мужчина с усами, делающими его похожим на бобра. Он уложил целый ящик с шампанским в тележку, а сверху пытался установить ящик с водкой. Лицо его было озверелым,

радостным, как у солдата, одерживающего победу. – Корпоратив? – Он понимающе взглянул на мою тележку: – Меня тоже шеф с работы отпустил. Шпроты, шпроты успевайте взять, а то расхватают. Не мы одни ВВП – то подняли.

Возле шпрот была битва.

Люди толкались, бранились, отшвыривали чужие тележки. Я оробел и отступил. Отступая, я прошел мимо полочки с нашей туалетной бумагой. Она стояла пыльная, никому не нужная, и робкий зайчонок с этикетки смотрел жалобно и укоризненно – он ВВП не поднимал.

Вернувшись на работу, я пошел в бухгалтерию, чтобы отчитаться за потраченные деньги -

весь стол оплачивала фирма. Бухгалтерша сидела, свернувшись перед компьютером и подремывала. «Ей что ли сказать? Она же запросто входит к директору». Мне очень хотелось

протолкнуть свою идею с елочкой. Я покашлял.

– Вот я подумал, как бы улучшить рекламу нашей бумаги.

Бухгалтерша распрямилась и вытаращила на меня немигающие глаза. Выслушав, она опять свернулась и сердито ответила: – Это сколько же вкладывать надо, работать, – дурацкая затея.

Начался корпоратив. Сначала тихонько, вежливо, но постепенно набирая силу и уже чувствуя

тесноту в рамках приличия, уже приближающийся к удалому деревенскому празднику. Улучив момент, я среди общего гама, подобрался к шефу и стал торопливо рассказывать ему про свою задумку. Но шеф только хохотал, как безумный, а потом объявил, что туалетную бумагу положено раскупать после праздников.

Мне стало душно от общего веселья, и я вышел погрустить. В туалете слесарь-сантехник Иван Кузьмич, похожий на медведя, разговаривал с писсуаром.

– Не хочешь смывать по-хорошему, заставим по-плохому. – Вот, – обратился он ко мне, – фотоэлемент «полетел», а я воду на проток пустил – пусть бежит.

–А заменить? – зачем то спросил я.

Слесарь кратко охарактеризовал писсуар, затем оценил все здание в целом, а потом присовокупил:

–Раз ты менеджер, так не лезь, не мешай людям работать.

Обалдевший от свалившейся на меня правды, я вышел на улицу. Да, именно не мешать – вот в чем задача.

День катился по земному шару. Китайцы уже поработали и подняли свой ВВП, европейцы

работали вовсю, тоже стараясь поднять ВВП, американцы набирались сил, чтобы начать работу

и поднять свой ВВП. И только в нашей благословенной стране существовали десятки миллионов менеджеров, чьей

задачей было одно – не мешать. Они почти звериным чутьем угадывали, как избежать работы и тем самым подымали ВВП. Это было чудом, но это было так. И я был частью их. Я с гордостью посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся радостно и свободно, обнажив при улыбке два верхних зуба, из-за которых меня дразнят «зайчонком».

...

Ловушка для королей.

Глава первая. Я тоже встал.

В старые времена мудрые люди говорили, что предназначение человека – возделывать землю или, говоря их языком, Божий Сад. Под «землей» они понимали весь материальный мир, под «возделыванием» – преобразование и сбережение.

Окажись эти люди в наши дни, поглядев на теперешний «рыночный коллектив», они бы сказали, что спилить десяток сосен, чтобы сделать себе шкафы – дело благое, тем более что десяток сосен человек может, да и обязан заново посадить. А вот спиливание гектаров – это зло, это какое-то нечеловеческое, «иноземное» разрушение.

Зло вдвойне страшное тем, что причиной его – желание «покушать».

Страшнее десятикратно, когда причина – блажь обладания «лакомством» – забавой.

Сжигание газа и угля для отопления городов, по их мнению, было бы оправдано тогда, когда города есть пристанища науки, промышленности и искусств, то есть, порождают новое-ценное. Если же жизнь в городе – это бегство от напряжения, бесконечная череда взаимных услуг и только видимость «пота» – такие города просто лишние в правильно устроенной жизни.

Лишние до отвращения, потому что развращающе легко удовлетворяют желание «покушать».

Лишние, как болезни, потому что переключают тра-ту энергии ума и мышц, энергии «возделывания земли» на роботов-автоматов и роботов-гастербайтеров, предоставляя толпе «имеющей право голоса» сказочный досуг, а праздность – мать болезней. Речь не о насморке.

Этим старым мудрецам было бы очень трудно объяснить, что предназначение современного человека иное. Ему давно не интересен космос, устройство атома, жизнь клеток, способности мышления, любовь между характерами или душами, да все, что интересовало пращуров. Ему интересно хоть на полшага обойти, обыграть соседа.

В квартире, одежде, еде, машине, даче, собачке, уровню крика и величине кулака. Внешнем.

Цена – любая.

Современный человек весь проникнут духом соревнования, соперничества за ступень пьедестала. Смысл жизни – спорт, и спорт – это весь мир, а жизнь – бесконечный чем-

пионат.

В течение последних десятилетий жизнь рыночных коллективов, благодаря спорту, стала намного ярче. Балаганнее.

Например, теперь страны соперницы, не разрушают собственные территории и не чересчур насилуют экономики, а вооружив примитивным железом несчастных «не спортсменов», не воюют, нет, а лишь соревнуются между собой, кто больше и аккуратнее тех, невезунчиков, ухлопает. Выясняют – кто на сегодня первый.

«Ты только десять тысяч разбомбил, а я – десять с половиной, значит, сегодня я выиграл!»

И телезрители-победители целую неделю в прекрасном настроении:

«Лихо мы им нос утерли!»

Из политики незаметно ушли за ненадобностью и партии и идеологии – остались лидеры соревнований и команды болельщиков.

Личность лидера, в старом понимании, не интересна и никому не нужна – интересен успех, а в формуле успеха нет особенных личностных качеств, качеств героя, а есть только те, что присущи любому из толпы. Личность лидера, его портрет – эта сиюминутная маска толпы. Плюс удача. Случай. Это и манит.

Современного человека волнуют вопросы, вынесенные в заглавия бестселлеров: «Как заработать первый миллион и не спянуть», «Как стать префектом района и не сесть сразу»,

«Как начать свое дело «с нуля», полученного в наследство от папы-ватника».

Ответы на них так понятны и просты, что спортивный азарт становится властелином сознания.

Тем более что других вариантов рыночный коллектив не предлагает.

Рвущийся в Чемпионы не думает о завтрашнем дне (это я о соснах опять), он думает о теперешнем миге, когда все мчатся в переполненном до отказа вагоне метро, и, чтобы пройти вперед, к выходу на воздух, нужно орудовать локтями.

Вот так или примерно так я и раздумывал и полеживал на клетчатом канапе.

Причиной столь грустных мыслей был, возможно, просмотренный накануне мультфильм.

Он назывался длинновато, но бойко:

«Ужасные приключения храброго лягушонка Кваки-Ку, отличного ныряльщика и рекордсмена».

Дело там происходило в старом, живописном, поросшем, как водится, травой, деревенском дворе. Что такое деревенский двор многие, наверное, подзабыли, а это, я вам скажу, и есть суть России.

В Русских деревнях хозяин обустроивался обычно так. С одного боку изба, рубленая из толстенных сосен, каких теперь и не встретишь, шагов через двадцать-тридцать от нее конюшня или коровник с маленькой печкой, а между ни-

ми парадный забор с дивными воротами с перекладиной из неподъемной лиственницы и скрипучей калиткой, висящих на толстых, кованных петлях, а в глубине, метров через тридцать, от задника дома до конюшни тянется амбар или двухъярусный сеновал с воротами попроще для выезда в огород.

Получался огороженный со всех сторон четырехугольник земли, двор, место, где даже раб беспорточник чувствовал себя господином. Хотя бы и над курами.

Теперь на этих дворах обычно стоят тяжелые и запыленные машины дачников, но мне это не нравится – двор должен быть пуст, как сцена перед выходом.

Двор предполагает, что ты можешь отойти вглубь и лечь на землю. Или сесть на бревно. И начать смотреть. И начать думать.

Иногда, теперешние хозяева вместо конюшен ставят бани, но это как-то не то. Классическая баня должна быть в конце огорода. Почему? А вот почему.

В баню ведь, главное, не зайти, из бани, главное, выйти.

Выход из бани всегда напоминает мне парадный выход царя Алексея Михайловича к боярам в Грановитую палату. Встречающие умилены, народ за забором ликует, выходящий по-отечески добр, ласков и строг.

Потому и важно – куда ты выходишь.

Выходя в огород, если дело происходит зимой, ты попадаешь на белую пуховую тропку меж тихими сугробами и можешь нырнуть в них и растереться обжигающим снегом,

а можешь и просто постоять долю секунды, посмотреть на светящееся тайной звездное небо.

Человек обязан хоть раз в году смотреть на звезды – очистить сердце от гноя и копоти.

А если летом? Летом после бани прогуляться по огороду тоже приятно. Идешь себе, лучок сорвешь или огурец, так, на пробу. Козьявку какую увидишь или кузнечика и опять задумаешься.

«И этот ведь зачем-то живет!»

Живя в России, человеку не думать нельзя, если он, конечно, не пролетарий с отверткой. Рабочий класс. Ему-то что думать? За него партия думает. Вожди.

Потому-то Вождями и не любим «идиотизм сельской жизни». Баньки в конце огорода. Мы ведь любим тех, у кого считываем на успех. А успех легче всего получить у нищих.

А еще легче у нищих разумом.

А земля, которую возделываешь, даже «один цветочный горшок», будит в человеке разум.

Да, был двор, стало быть, был и дом. А рядом с домом, у свеса ржавой, бренчащей под дождями кровли была деревянная бочка, последняя из той, некогда великой армии бочек и кадешек, когда их было полным-полно, куда ни загляни, когда они просто на каждом шагу валялись – в них народ квасил капусту и солил огурцы для закусок к бесконечным зимним посиделкам, не ведая гигиеничности китайской пластмассы.

Вот возле этой самой бочки, с той поры, когда хозяева – дедушка Вася и бабушка Лукерья – уехали на заработки в город (дедушка Вася устроился работать в ток-шоу представителем Эстонии – он походил на эстонца, когда молчал и приподнимал брови на вопросы, а большего ведущим и не требовалось, а бабушка Лукерья не вылезала из съёмочных павильонов, участвуя в рекламе сыров, пельменей, сметаны – да всего, что производит наша химическая промышленность, бабушка изумительно говорила на настоящем русском языке, то есть, неграмотно), стали собираться звери из соседнего леса.

Собирались они, чтобы поглазеть на соревнования ныряльщиков – лягушат и лягушонок. Сделать ставки – Патрикеевна держала почтенную букмекерскую контору, погалдеть о новостях, принесенных Белобокой, да просто почесать мохнатую, ноющую спину о шершавые бревна избушки – в берлоге-то бокам тесно. А тут массаж – от пролежней хорошо.

В один из дней известный всему лесу тренер по прыжкам в воду «с головой» Кваку Ха объявил, что в результате многочасовых, изнурительных тренировок его подопечный, юный ныряльщик Кваки Ку, готов установить новый мировой рекорд – нырнуть в воду на глубину камышинки.

Мировой рекорд – это, прежде всего, бизнес.

Ведь каждый зритель – это клиент, а клиентура – основа твоего благосостояния.

Тут тебе и торговля грибами, и медом, и мухами. Патрикеевна с лап сбилась – ведь кроме ставок, ей пришлось возглавить антидопинговый комитет. А это уже две бухгалтерии. Это даже, оказывается, и политика еще! У Белобоки хвост к вечерам немел от усталости, и глаза делались нехорошими, чересчур уж круглыми и честными, и только наш старый друг Серый Бочок невозмутимо отводил и отводил нарушителей порядка в дровяник для выяснения личности.

И вот «волнительный» миг настал.

Филологи требуют употреблять слово «волнующий», но мы-то с вами слышим музыку речи народной, слышим «джаз», и говорим так, как «позволительно» по высшим правилам словообразования.

К концу камышинки прилепили ягодку-земляничку, Потапыч медленно опустил камышинку в бочку с водой, Кваки приготовился (ему нужно было донырнуть до ягодки, отцепить ее и предъявить, вынырнув, уважаемому жюри – Сохатому, Рогатому и Бородатому) и нырнул!

Зрители, а тут собралась лучшая половина леса, не говоря уж о зайцах и ежах, были даже Барсук с женой, зрители замерли в ожидании. Тишина стояла изумительная! И только мух (он был мужчина) Бзз нахально вился прямо над бочкой и жужжал неприлично громко, но Потапыч отмахнул его свободной лапой, а потом перехватил камышинку – тоже, постой-ка над бочкой с вытянутой лапой, поглядим на тебя.

И вот этот-то перехват камышинки и чуть не оказался ро-

ковым событием на этом празднике спорта.

Ягодка земляничка, болтавшаяся в зеленой глубине на кончике стебелька, оторвалась и, прямо перед носом изумленного Кваки Ку, который изо всех сил греб своими ластами и уже видел цель, опустилась на дно бочки. Сантиметров на тридцать глубже.

Что творилось в душе бедного Кваки Ку, сказать не берусь, художники пытались какие-то гримасы нарисовать, да где уж там. Им ли понять чемпионов, у которых из-под носа уходит ягодка!

Но он не сдался. Он еще сильнее заработал лапками и, почти теряя дыхание, достиг дна бочки, подхватил ягодку и взмыл ввысь, к рукоплещущим зрителям.

Рекорд – камышинка – был торжественно внесен в летопись леса.

А о дополнительных тридцати сантиметрах лягушонок застенчиво промолчал.

Я лежал на канапе, и, уже не слушая телевизор, думал: «Да, чемпион обязан иметь запас на лишний рывок, на эти «тридцать сантиметров» плюс к рекорду, которые никто не увидит».

Но, возможно, причиной грусти был наш последний разговор с Шурой.

Я лежал на канапе, заложив руки под голову, смотрел вверх и разглядывал всю свою суетливую жизнь.

Мысли были горькие и жестокие, как дежурный доклад

премьеры:

«Как? Почему? Я, я, Перепелкин Анатолий Иванович, тридцатилетний, в чистых носках, с запасным дипломом философа, невысокий, но крепкого телосложения, лысый (по поводу лысины я теперь совершенно успокоился – одна порядочная девушка мне доверительно сообщила, что женщин мало заботят лысины мужчин, их больше заботит, как они сами выглядят, мужчин же красят манеры, а тут у меня, сравнивая с людьми публичными, Виндзорская школа), не конфликтный, любящий умных собак и такую же музыку, которая тоже почти разговаривает, да просто хороший, именно просто хороший!» – тут я тихо застонал и перевернулся на бок, – «Опять поддался на соблазнительные, бесовские угрозы своего дружка, и встал на темную и скользкую тропу интеллектуального бизнеса».

Я отлично помнил тот жутко тоскливый, одинокий вечер, когда из каждого темного угла комнаты доносились ядовитые голоса: «Встань, оденься, выйди на улицу и заработай миллион!»

Шура зашел, отперев дверь своим ключом.

Он сел в кресло, с минуту смотрел на мои тапочки, лежащие под канапе и начинающие от скуки порастать щетиной, потом прокашлялся и сказал:

– Я думаю, нам надо украсть Федора Федоровича.

Человек, обладающей деловой хваткой, никогда не удивляется парадоксальности иных предложений.

Я даже не пошевелился. Я думал – в чем фишка?

Федор Федорович Алатырев был крупный олигарх, недавно благополучно почивший в бозе и похороненный на ...ском кладбище.

– Я случайно узнал подробности его завещания, – продолжал Шура.

– Подожди, дай-ка я заварю кофе, – и мы прошли на мою крохотную кухню.

Сидя на одичавшей от безделья кухне и прихлебывая, оживляющий отупелый ум, кофе, я выслушал свежую, как улыбка ребенка, Шурину задумку. В завещании Федора Федоровича указывались два наследника: племянница, госпожа Нинон Торбаева и фонд защиты озера Байкал. Первая обязывалась следить и ухаживать за имением и могилой покойного, фонд же должен был пропихивать законопроект о запрещении хозяйственной деятельности в стокилометровой зоне вокруг озера. В случае несоблюдения условий, права наследования переходили к одной из оставшихся сторон. Если же обе стороны «хлыздили», все уходило ...

– Надлежащий уход за могилой – вот, где можно проверить удачу на вшивость, – закончил Шура.

Я думал.

И госпожа Нинон и парни из фонда, в принципе, должны быть живо заинтересованы: где тело покойного благодетеля? Пожалуй, ни одна из сторон в полицию не обратится – шумиха раньше времени только мешает и играет на руку про-

тивника.

– Сколько же теперь может стоять Федор Федорович? – подумал я вслух.

– Четверть доли – или четверть или теряешь все.

Шура порой жесток, но только так и делаются реальные деньги.

А вам что, они не нужны?

Я знаю, многие меня осудят, многие скажут, что воровать покойников не этично! Многие под страхом смерти запретят своим дочкам со мной вечерами встречаться, а сыновьям будут указывать на меня, как на пример изгоя, кощунника и аморала. И первыми это скажут те, кто громче всех требовал народного суда над олигархами. Но вы, судьи, скажите, каким еще продуктивным бизнесом заниматься в России человеку с честью, сердцем и умом, кроме как разграблением могил олигархов, тем более, если у него нет «мохнатой лапы»?

И я согласился стать расхитителем могилы, согласился украсть тело покойного олигарха, сулящее неплохую прибыль на аукционе стяжательства, именуемом жизнью.

– Я думаю, – сказал, поднимаясь, Шура, – в конце концов, нам поставят памятник.

– Это лишнее, и потом, какой бы грандиозный памятник люди не воздвигали, на его макушку всегда гадит голубь.

...

Глава вторая. Рекогносцировка.

Когда, наконец, выбираешься со скользкой, тесной и полной коварных ловушек тропинки добродетели, бредя по которой, не одно поколение подвизающихся так и сгнуло, не достигнув призрачной калитки, на интуитивно понятный, широкий, как гостеприимное фойе народного университета, и хорошо утоптаный, без рытвин и холмов, как предвыборная речь, путь порока, чувствуешь себя просто дома. Какая свобода рукам! Какое необыкновенное облегчение в усталой от вопросов душе, а вопросов много! Например, если ты верующий, можешь ли утвердительно сказать, где Гитлер – в аду или в раю? А вдруг успел и покаялся? А если ты историк-атеист, что скажешь – Сталины благо для России или зло? И какая свежесть диалога с жизнью! Ты слышишь голоса с небес, и земли, и даже из преисподней, радостно приветствующие тебя: «Ты ожил! Ты воскрес к делам! Начинай!»

Ни одна сфера человеческой деятельности не имеет столько толковых учебников для самообразования, ярких, поучительных жизнеописаний, завораживающих легенд, милых сказок и научных теорий, как деятельность греховная.

И это не случайно: «грех», нарушение правил – локомотив цивилизации.

Стоял мягкий, летний день, день один из тех, когда так хочется чего-нибудь нарушить. Под видом скорбящих друзей или родственников, мы с Шурой прибыли на ...ское кладбище и шли теперь по приятной аллее меж могил без на-

доевших уже до презрения рекламных стендов, без гнусных торговых ларьков и вонючих автопарковок, испытывая почти эротическое возбуждение от предстоящего.

Наши спины были прямы, с оттенком горя, лица были строги и задумчивы.

Шура кавалергардски нес букетик белых хризантем.

Я нес печаль.

На хризантемах настоял я, мне нравятся белые хризантемы, и я с удовольствием дарю их даже и малознакомым девушкам, когда они внезапно случаются в моей, столь редкой радостями, жизни. Мне нравится наблюдать их реакцию.

Когда-нибудь я спрошу у девушки, что испытывает женское сердце в этот миг. Радость от учтивого подарка или страх от неясного пока для нее самой продолжения? К тому времени я обзаведусь необходимой для таких разговоров ажурной беседкой у реки, полной луной и чирикающими соловьями. Без них, где-нибудь в душном автобусе, задавать такие вопросы опрометчиво. Могут расценить, как сексизм и вульгарность.

Собираясь на кладбище, я решил не изменять вкусу и привычкам. Элегантно оформленная гробница чем-то напоминает мне прекрасную девушку – она так же загадочно дразнит неясным будущим, и так же беспощадно и капризно привлекательна, она не терпит малейших шуток в свой адрес, и ей так же невозможно отказать в свидании. Шура хотел гвоздики, но я сказал ему, что мы идем не на Красную площадь

митинговать, и он согласился.

Я разглядывал вдохновенные творения кладбищенских скульпторов, а Шура рассказывал мне о своем покойном дяде рыболове.

Эта повесть настолько поучительна, так полезна для развития, что я должен привести ее целиком.

Дядя Егорушка жил душа в душу с тетушкой Мариной. Он был мастером по ремонту холодильного оборудования, она – воспитателем в детском саду. Дядя был тихий, застенчивый человек, никогда не говорил о политике, но все-таки мечту имел. Он мечтал о рыбалке.

Так получилось, что сам, лично, он на рыбалку ни разу в жизни не ходил, зато готовился. Он покупал всевозможные журналы с отличными иллюстрациями и подробными статьями, как выудить карпа, он покупал необходимые снасти (спиннинги, удочки, резиновые сапоги, сачки и так далее, даже фонарь для ловли по ночам), он целый год клеил фанерную лодку, захватив маленькую комнатку, где тетушка обычно выращивала перцы на рассаду, и вооружившись сомнительным чертежом из интернета, он купил удобную спиртовку, для приготовления чая в глухом месте, он даже купил коловорот для льда.

И вот, когда куплено было абсолютно все, и все было прочитано, дядя Егорушка собрался на рыбалку. Он должен был ехать ранним утром, часов в пять, поэтому лег пораньше. Но ему не спалось. Он ворочался, вставал и выходил на кухню,

где долго сидел, обхватив голову руками.

Его бил «мандраж».

Тетушка давно уже спала, и стояла глубокая ночь. Дядя, совершенно измотанный предстоящей рыбалкой, сидел в полудреме на кухне, и ему виделся огромный, с растворяющимися в воздухе берегами пруд, кругом зрители, и вот, он с удочкой тянет из воды рыбу, которая мощно сопротивляется, бьет плесом пену, тянет леску. Дядя уже берет сачок, чтоб подхватить добычу, но тут рыба срывается и уходит в глубину.

– Чтоб тебя! – воскликнул дядя, откинулся на стуле и неожиданно помер.

Видимо, не выдержал предохранительный клапан.

– Надо было дать рыбе воздух глотнуть, – сделал я замечание по существу, – она бы успокоилась.

– Видишь ли, дядя рыбачил в первый раз, – объяснил Шура, и продолжил историю.

Когда тетушка закончила хлопотать с похоронами, ей пришлось решать – куда девать все эти рыбацкие принадлежности. Она хотела раздарить их по знакомым, но все отказывались, и тогда она написала несколько десятков объявлений и расклеила их по заборам. Цену она указала символическую, и потихоньку у нее все раскупили за исключением резиновых сапог.

Спустя год или два в интернете появился слухок, что на удочку дяди Егорушки всегда ловится рыба килограммов на

пять, то же говорилось о дядином спиннинге. Потом пошли посты, что с лодки дяди Егорушки клюет непрерывно, его лески – просто талисман, а спиртовка, стоит ее зажечь, привлекает раков даже там, где их отродясь не водилось.

К тетушке обратилось серьезное общество любителей рыболовов с предложением продать им дядины сапоги. Предлагали неплохие деньги, но тетушка уперлась. Она решила сберечь сапоги, как память о дяде. Но любители рыбалки не отставали. Они следили за тетушкиной квартирой, постоянно названивали ей – она стала опасаться за свою жизнь!

Наконец, она пригласила журналистов, и объявила, что утопила сапоги в Керченском проливе, поскольку покойный обожал керченскую сельдь и бычков.

– Теперь понятен интерес к этому региону, – задумчиво отметил я.

– Заметь, – добавил Шура, – как все ловко прикрыто геополитикой, хозяйственной необходимостью, а реально – ищут сапоги.

Помолчав, он добавил, что в детском саду у тетушки пока все отлично.

Когда гуляешь по кладбищу, и у тебя еще есть немного времени, чтоб опомниться и уйти, остро понимаешь бренность бытия – до шуток ли здесь! До шуток ли! Жизнь – не базар! Купи, продай и беги.

Я решил поддержать Шуру, и рассказал ему грустную историю Ивана Лукича «Недобрый глаз».

Иван Лукич был одинокий, очень уставший от дежурных новостей, пожилой аспирант, живущий на скучном втором этаже серой, как пыль дорог нашей жизни, девятиэтажке. Прямо напротив его окон стояла общая помойка. Это была корявая, сделанная явно впопыхах, бетонная площадка с десятком «наевшихся» до отвала контейнеров, которые зимой тихо пахли, а летом просто с ума сводили.

Иван Лукич терпел десять лет, а на одиннадцатый год пошел и записался на прием к мэру. По личному вопросу.

Мэром в ту пору был добрый и некрикливый мужчина, любящий свою работу и проявляющий исключительное терпение в разговорах с избирателями.

В тот день, когда для разговора пришел и Иван Лукич, у мэра уже побывал господин Хрюкин, живущий в том же доме, с энергичным прошением передвинуть помойку вправо, а на освободившемся месте разрешить ему, Хрюкину, поставить маленькую закусочную для избирателей. Мэр терпеливо выслушал, и обещал подумать. После Хрюкина к мэру зашла гражданка Муськина, ветеран труда, живущая тоже в этом доме. Она громко, на правах матери-одиночки, потребовала от мэра передвинуть помойку влево, потому что «ноги у одиноких женщин, чай, не железные, по сто верст с пакетиком бегать». Особенно гражданка Муськина напирала на то, что всегда голосует за правительство. Какое это имело отношение к помойке непонятно, но мэр терпеливо обещал помочь. Третьим зашел Иван Лукич.

– Слушаю вас, – тихо сказал мэр, делая пометки в блокноте.

– Я хотел бы поговорить о помойке, – только и произнес Иван Лукич, как мэр позеленел и свалился на пол. Видимо, терпение лопнуло.

– Что такое! Что вы натворили! – воскликнула дама-секретарь, вбегая в комнату на слабые призывы о помощи Ивана Лукича. Мэр лежал неподвижно.

– Клянусь, мы только начали говорить, – оправдывался Иван Лукич, – к кому у вас еще можно обратиться?

– Ступайте уж, нам теперь не до вас, – был сухой ответ.

Прошла пара месяцев, и мэром стала сильная, эффектная дама из народного образования.

Иван Лукич записался к ней на прием. Ему хотелось «дожать» тему.

Когда он входил, дама-секретарь узнала его и довольно громко сказала присутствующим: «Это тот, который поспособствовал, «недобрый глаз»».

Женщина-мэр была полна сил, жизнерадостна и подвижна. Пока Иван Лукич рассказывал ей об ужасах аспирантской жизни рядом с помойкой, она вставала на табуретку, поливала цветы, которыми теперь был заставлен весь кабинет и улыбалась.

Вставая на табуретку, она скидывала с ног туфли, и Иван Лукич невольно разглядывал круглые и мощные пятки мэра. Они мешали сосредоточиться.

– Так что же вы хотите? – спросила она, поворачиваясь. То ли поворот был чересчур кокетливо-театральным, то ли табуретка скверной, только все это – и дама-мэр и табуретка – рухнули, снося столы и стулья.

– Что вы опять натворили! – вскрикнула секретарь, пытаюсь привести в чувство обездвиженное руководство.

– Мы только начали, – сухо повторил свой прошлый ответ Иван Лукич.

Прошло еще несколько месяцев. Ивану Лукичу спокойно не жилось. Он опять записался на прием к мэру.

Теперь это был отставной армейский полковник. Он был смел – смерти не раз в глаза смотрел.

В тот день, когда Иван Лукич пришел к нему на прием, в приемной у мэра уже толпилась куча народа.

«Идет, идет, смотрите! Страшный какой! На вампира похож! «Недобрый глаз!»»

Иван Лукич, брезгливо не обращая внимания на зевак, прошел в кабинет.

Там, кроме мэра, находилось еще четверо мужчин.

– Вы не против, если при нашей беседе поприсутствует начальник районной полиции, а с ним, за компанию, и пожарник наш, ну, и санэпидемврач города.

Четвертого мэр не назвал.

Иван Лукич, монотонным голосом, как машина, изложил суть дела.

– Это все?

– Все.

Тишина стояла минуты две. Потом мужчины принялись хохотать. Особенно заливался мэр. Он восторженно тряс кудрявой головой и ронял слезы на бумаги.

Иван Лукич почувствовал омерзение. Не понимая, что делает, он подошел к столу, взял тяжелый графин с водой и крепко врезал этим графином прямо мэру по макушке. Тот перестал смеяться и осел.

Дело было столь шумным и знаковым, что решено было передать его в суд присяжных.

Журналисты захлебывались: «Недобрый глаз – истребитель мэров. Кто следующий?»

«Преступник или святой?»

«Просто встал и сделал».

Обвинение требовало максимального срока, но защита предъявила присяжным видеозапись того, начальнического, хохота (кто-то снимал на смартфон через окно). Была предоставлена и аудио запись: «Здравствуйте, я, Иван Лукич Мусорский, хочу поговорить о помойке». Мусорский – фамилия Ивана Лукича. И что? Присяжные вынесли оправдательный вердикт! А один блогер по этому поводу сказал, что так унижать культурного человека, теперь даже в России «западло».

Мы подошли к могиле миллиардера.

Лично я не верю памятникам. Все памятники фальшивят. Но многие люди жить без них не могут, а некоторые даже и

кормятся возле них.

Памятник Федора Федоровича упирался в небо. Кругом него была убитая гранитом и мрамором площадка с жалкой цветочной клумбой посередине, по периметру стояли тяжелые лавки для гостей.

Шура опрометчиво хотел возложить на могилу цветы, но я успел его остановить:

– Не ему.

Обойдя монумент, мы оценили объем работ – сделать подкоп за ночь было нереально.

В шагах тридцати, через пару могилок, начинался дивный сосновый бор. Там, в полусумраке леса, виднелись старые, покосившиеся надгробия, и мы пошли к ним. На одном повалившемся кресте я прочел: «Штосс О. Е.» Указанный год смерти был явно за пределами компьютерного учета.

– Шура, – сказал я торжественно, – я нашел ее! Клади хризантемы.

– Неужели? – ответил мой компаньон, – и кто же это? По-знакомь.

– Это моя прабабушка, графиня Фон Штосс, Ольга Евгеньевна. Теперь я хочу поставить ей достойный памятник, а для этого сделать сперва надежный фундамент силами сторонней организации, то есть, твоими. Памятник же придется заказывать местным «упырям». Как, по-твоему, сколько времени уйдет, чтобы прорыть штольню до Федора Федоро-

вича?

– Дней пять.

Зайдя в кладбищенскую контору, я довольно быстро составил договор на изготовление мраморной нимфы и внес солидный аванс.

Местный Роден, показывая мне на выбор эскизы памятников, поинтересовался:

– Может быть, у вас осталась какая-нибудь фотография вашей прабабушки?

– К сожалению нет. Но они очень похожи с Ольгой (я назвал фамилию известной «звезды»), так что, ваяйте с нее.

– А фигура?

– И фигуру копируйте.

«Роден» сладострастно засопел.

– А наряд какой изображать? Ангельскую рубашку или покрывало смерти?

– Это уж, как хотите, главное, не в купальнике.

И я покинул конторку, храня на лице скорбь и легкий гнев.

Глава вторая. Рекогносцировка.

Когда, наконец, выбираешься со скользкой, тесной и полной коварных ловушек тропинки добродетели, бредя по которой, не одно поколение подвигающихся так и сгнуло, не достигнув призрачной калитки, на интуитивно понятный,

широкий, как гостеприимное фойе народного университета, и хорошо утоптаный, без рытвин и холмов, как предвыборная речь, путь порока, чувствуешь себя просто дома. Какая свобода рукам! Какое необыкновенное облегчение в усталой от вопросов душе, а вопросов много! Например, если ты верующий, можешь ли утвердительно сказать, где Гитлер – в аду или в раю? А вдруг успел и покаялся? А если ты историк-атеист, что скажешь – Сталины благо для России или зло? И какая свежесть диалога с жизнью! Ты слышишь голоса с небес, и земли, и даже из преисподней, радостно приветствующие тебя: «Ты ожил! Ты воскрес к делам! Начинай!»

Ни одна сфера человеческой деятельности не имеет столько толковых учебников для самообразования, ярких, поучительных жизнеописаний, завораживающих легенд, милых сказок и научных теорий, как деятельность греховная.

И это не случайно: «грех», нарушение правил – локомотив цивилизации.

Стоял мягкий, летний день, день один из тех, когда так хочется чего-нибудь нарушить. Под видом скорбящих друзей или родственников, мы с Шурой прибыли на ...ское кладбище и шли теперь по приятной аллее меж могил без надоевших уже до презрения рекламных стендов, без гнусных торговых ларьков и вонючих автопарковок, испытывая почти эротическое возбуждение от предстоящего.

Наши спины были прямы, с оттенком горя, лица были строги и задумчивы.

Шура кавалергардски нес букетик белых хризантем.

Я нес печаль.

На хризантемах настоял я, мне нравятся белые хризантемы, и я с удовольствием дарю их даже и малознакомым девушкам, когда они внезапно случаются в моей, столь редкой радостями, жизни. Мне нравится наблюдать их реакцию.

Когда-нибудь я спрошу у девушки, что испытывает женское сердце в этот миг. Радость от учтвого подарка или страх от неясного пока для нее самой продолжения? К тому времени я обзаведусь необходимой для таких разговоров ажурной беседкой у реки, полной луной и чирикающими соловьями. Без них, где-нибудь в душном автобусе, задавать такие вопросы опрометчиво. Могут расценить, как сексизм и вульгарность.

Собираясь на кладбище, я решил не изменять вкусу и привычкам. Элегантно оформленная гробница чем-то напоминает мне прекрасную девушку – она так же загадочно дразнит неясным будущим, и так же беспощадно и капризно привлекательна, она не терпит малейших шуток в свой адрес, и ей так же невозможно отказать в свидании. Шура хотел гвоздики, но я сказал ему, что мы идем не на Красную площадь митинговать, и он согласился.

Я разглядывал вдохновенные творения кладбищенских скульпторов, а Шура рассказывал мне о своем покойном дяде рыболове.

Эта повесть настолько поучительна, так полезна для раз-

вития, что я должен привести ее целиком.

Дядя Егорушка жил душа в душу с тетушкой Мариной. Он был мастером по ремонту холодильного оборудования, она – воспитателем в детском саду. Дядя был тихий, застенчивый человек, никогда не говорил о политике, но все-таки мечту имел. Он мечтал о рыбалке.

Так получилось, что сам, лично, он на рыбалку ни разу в жизни не ходил, зато готовился. Он покупал всевозможные журналы с отличными иллюстрациями и подробными статьями, как выудить карпа, он покупал необходимые снасти (спиннинги, удочки, резиновые сапоги, сачки и так далее, даже фонарь для ловли по ночам), он целый год клеил фанерную лодку, захватив маленькую комнатку, где тетушка обычно выращивала перцы на рассаду, и вооружившись сомнительным чертежом из интернета, он купил удобную спиртовку, для приготовления чая в глухом месте, он даже купил коловорот для льда.

И вот, когда куплено было абсолютно все, и все было прочитано, дядя Егорушка собрался на рыбалку. Он должен был ехать ранним утром, часов в пять, поэтому лег пораньше. Но ему не спалось. Он ворочался, вставал и выходил на кухню, где долго сидел, обхватив голову руками.

Его бил «мандраж».

Тетушка давно уже спала, и стояла глубокая ночь. Дядя, совершенно измотанный предстоящей рыбалкой, сидел в полудреме на кухне, и ему виделся огромный, с растворяющи-

мися в воздухе берегами пруд, кругом зрители, и вот, он с удочкой тянет из воды рыбу, которая мощно сопротивляется, бьет плесом пену, тянет леску. Дядя уже берет сачок, чтоб подхватить добычу, но тут рыба срывается и уходит в глубину.

– Чтоб тебя! – воскликнул дядя, откинулся на стуле и неожиданно помер.

Видимо, не выдержал предохранительный клапан.

– Надо было дать рыбе воздух глотнуть, – сделал я замечание по существу, – она бы успокоилась.

– Видишь ли, дядя рыбачил в первый раз, – объяснил Шура, и продолжил историю.

Когда тетушка закончила хлопотать с похоронами, ей пришлось решать – куда девать все эти рыбацкие принадлежности. Она хотела раздарить их по знакомым, но все отказывались, и тогда она написала несколько десятков объявлений и расклеила их по заборам. Цену она указала символическую, и потихоньку у нее все раскупили за исключением резиновых сапог.

Спустя год или два в интернете появился слухок, что на удочку дяди Егорушки всегда ловится рыба килограммов на пять, то же говорилось о дядином спиннинге. Потом пошли посты, что с лодки дяди Егорушки клюет непрерывно, его лески – просто талисман, а спиртовка, стоит ее зажечь, привлекает раков даже там, где их отродясь не водилось.

К тетушке обратилось серьезное общество любителей ры-

боловов с предложением продать им дядины сапоги. Предлагали неплохие деньги, но тетушка уперлась. Она решила сберечь сапоги, как память о дяде. Но любители рыбалки не отставали. Они следили за тетушкиной квартирой, постоянно названивали ей – она стала опасаться за свою жизнь!

Наконец, она пригласила журналистов, и объявила, что утопила сапоги в Керченском проливе, поскольку покойный обожал керченскую сельдь и бычков.

– Теперь понятен интерес к этому региону, – задумчиво отметил я.

– Заметь, – добавил Шура, – как все ловко прикрито геополитикой, хозяйственной необходимостью, а реально – ищут сапоги.

Помолчав, он добавил, что в детском саду у тетушки пока все отлично.

Когда гуляешь по кладбищу, и у тебя еще есть немного времени, чтоб опомниться и уйти, остро понимаешь бренность бытия – до шуток ли здесь! До шуток ли! Жизнь – не базар! Купи, продай и беги.

Я решил поддержать Шуру, и рассказал ему грустную историю Ивана Лукича «Недобрый глаз».

Иван Лукич был одинокий, очень уставший от дежурных новостей, пожилой аспирант, живущий на скучном втором этаже серой, как пыль дорог нашей жизни, девятиэтажке. Прямо напротив его окон стояла общая помойка. Это была корявая, сделанная явно впопыхах, бетонная площадка с де-

сятком «наевшихся» до отвала контейнеров, которые зимой тихо пахли, а летом просто с ума сводили.

Иван Лукич терпел десять лет, а на одиннадцатый год пошел и записался на прием к мэру. По личному вопросу.

Мэром в ту пору был добрый и некрикливый мужчина, любящий свою работу и проявляющий исключительное терпение в разговорах с избирателями.

В тот день, когда для разговора пришел и Иван Лукич, у мэра уже побывал господин Хрюкин, живущий в том же доме, с энергичным прошением передвинуть помойку вправо, а на освободившемся месте разрешить ему, Хрюкину, поставить маленькую закусочную для избирателей. Мэр терпеливо выслушал, и обещал подумать. После Хрюкина к мэру зашла гражданка Муськина, ветеран труда, живущая тоже в этом доме. Она громко, на правах матери-одиночки, потребовала от мэра передвинуть помойку влево, потому что «ноги у одиноких женщин, чай, не железные, по сто верст с пакетиком бегать». Особенно гражданка Муськина напирала на то, что всегда голосует за правительство. Какое это имело отношение к помойке непонятно, но мэр терпеливо обещал помочь. Третьим зашел Иван Лукич.

– Слушаю вас, – тихо сказал мэр, делая пометки в блокноте.

– Я хотел бы поговорить о помойке, – только и произнес Иван Лукич, как мэр позеленел и свалился на пол. Видимо, терпение лопнуло.

– Что такое! Что вы натворили! – воскликнула дама-секретарь, вбегая в комнату на слабые призывы о помощи Ивана Лукича. Мэр лежал неподвижно.

– Клянусь, мы только начали говорить, – оправдывался Иван Лукич, – к кому у вас еще можно обратиться?

– Ступайте уж, нам теперь не до вас, – был сухой ответ.

Прошла пара месяцев, и мэром стала сильная, эффектная дама из народного образования.

Иван Лукич записался к ней на прием. Ему хотелось «дожать» тему.

Когда он входил, дама-секретарь узнала его и довольно громко сказала присутствующим: «Это тот, который поспособствовал, «недобрый глаз»».

Женщина-мэр была полна сил, жизнерадостна и подвижна. Пока Иван Лукич рассказывал ей об ужасах аспирантской жизни рядом с помойкой, она вставала на табуретку, поливала цветы, которыми теперь был заставлен весь кабинет и улыбалась.

Вставая на табуретку, она скидывала с ног туфли, и Иван Лукич невольно разглядывал круглые и мощные пятки мэра. Они мешали сосредоточиться.

– Так что же вы хотите? – спросила она, поворачиваясь. То ли поворот был чересчур кокетливо-театральным, то ли табуретка скверной, только все это – и дама-мэр и табуретка – рухнули, снося столы и стулья.

– Что вы опять натворили! – вскрикнула секретарь, пыта-

ясь привести в чувство обездвиженное руководство.

– Мы только начали, – сухо повторил свой прошлый ответ Иван Лукич.

Прошло еще несколько месяцев. Ивану Лукичу спокойно не жилось. Он опять записался на прием к мэру.

Теперь это был отставной армейский полковник. Он был смел – смерти не раз в глаза смотрел.

В тот день, когда Иван Лукич пришел к нему на прием, в приемной у мэра уже толпилась куча народа.

«Идет, идет, смотрите! Страшный какой! На вампира похож! «Недобрый глаз!»»

Иван Лукич, брезгливо не обращая внимания на зевак, прошел в кабинет.

Там, кроме мэра, находилось еще четверо мужчин.

– Вы не против, если при нашей беседе поприсутствует начальник районной полиции, а с ним, за компанию, и пожарник наш, ну, и санэпидемврач города.

Четвертого мэр не назвал.

Иван Лукич, монотонным голосом, как машина, изложил суть дела.

– Это все?

– Все.

Тишина стояла минуты две. Потом мужчины принялись хохотать. Особенно заливался мэр. Он восторженно тряс кудрявой головой и ронял слезы на бумаги.

Иван Лукич почувствовал омерзение. Не понимая, что де-

лает, он подошел к столу, взял тяжелый графин с водой и крепко врезал этим графином прямо мэру по макушке. Тот перестал смеяться и осел.

Дело было столь шумным и знаковым, что решено было передать его в суд присяжных.

Журналисты захлебывались: «Недобрый глаз – истребитель мэров. Кто следующий?»

«Преступник или святой?»

«Просто встал и сделал».

Обвинение требовало максимального срока, но защита предъявила присяжным видеозапись того, начальнического, хохота (кто-то снимал на смартфон через окно). Была представлена и аудио запись: «Здравствуйте, я, Иван Лукич Мусорский, хочу поговорить о помойке». Мусорский – фамилия Ивана Лукича. И что? Присяжные вынесли оправдательный вердикт! А один блогер по этому поводу сказал, что так унижать культурного человека, теперь даже в России «западло».

Мы подошли к могиле миллиардера.

Лично я не верю памятникам. Все памятники фальшивят. Но многие люди жить без них не могут, а некоторые даже и кормятся возле них.

Памятник Федора Федоровича упирался в небо. Кругом него была убитая гранитом и мрамором площадка с жалкой цветочной клумбой посередине, по периметру стояли тяжелые лавки для гостей.

Шура опрометчиво хотел возложить на могилу цветы, но я успел его остановить:

– Не ему.

Обойдя монумент, мы оценили объем работ – сделать подкоп за ночь было нереально.

В шагах тридцати, через пару могил, начинался дивный сосновый бор. Там, в полусумраке леса, виднелись старые, покосившиеся надгробия, и мы пошли к ним. На одном повалившемся кресте я прочел: «Штосс О. Е.» Указанный год смерти был явно за пределами компьютерного учета.

– Шура, – сказал я торжественно, – я нашел ее! Клади хризантемы.

– Неужели? – ответил мой компаньон, – и кто же это? Познакомь.

– Это моя прабабушка, графиня Фон Штосс, Ольга Евгеньевна. Теперь я хочу поставить ей достойный памятник, а для этого сделать сперва надежный фундамент силами сторонней организации, то есть, твоими. Памятник же придется заказывать местным «упырям». Как, по-твоему, сколько времени уйдет, чтобы прорыть штольню до Федора Федоровича?

– Дней пять.

Зайдя в кладбищенскую контору, я довольно быстро составил договор на изготовление мраморной нимфы и внес солидный аванс.

Местный Роден, показывая мне на выбор эскизы памятников, поинтересовался:

– Может быть, у вас осталась какая-нибудь фотография вашей прабабушки?

– К сожалению нет. Но они очень похожи с Ольгой (я назвал фамилию известной «звезды»), так что, ваяйте с нее.

– А фигура?

– И фигуру копируйте.

«Роден» сладострастно засопел.

– А наряд какой изображать? Ангельскую рубашку или покрывало смерти?

– Это уж, как хотите, главное, не в купальнике.

И я покинул конторку, храня на лице скорбь и легкий гнев.

...

Глава третья. Жизнь на кладбище.

Людам приятно иметь собственность. Кто-то любит солидный, греющий душу своей «дурной бесконечностью», банковский счет, кто-то предпочитает старый, с металлическими уголками, надежный чемодан с рваной наличностью, кто-то с успехом владеет, пусть скромным пока, пусть пока в подземелье, без санузла и электричества, производством сахарной ваты и чипсов, кто-то, в единичном числе, обладает крайне секретными и важными учеными знаниями, а кто-то натренировал мозг и руки до автоматизма для блестящего

исполнения одной единственной, но востребованной процедуры, например, лихо долбит по фортепьяно или рвет зубы желающим.

Все это как-то несолидно. Основательные люди, люди в пиджаках и с носовым платком в кармане, люди, по-настоящему заботящиеся о наследниках, предпочитают просто и скромно владеть землей. Понятно, что землей не в Сахаре, лесотундре или на Аляске, а той, которая сама по себе, без чрезмерных усилий и понуканий, приносит владельцу регулярный доход.

Это может быть жирная пашня или густо-травное пастбище, дивная для почечников курортная зона или легко разрабатываемый участок с полезными для цивилизации ископаемыми. Высоко ценится земля внутри старых мегаполисов – «под застройку».

Виктюша Корнет владел ...нским кладбищем – он был его директором.

Выделяя землю под скромную могилку, Виктюша с пропителем был сух, строг и неуступчив до крайней степени жестокости. Хоронить на ...нском кладбище уже давно было негде, да и запрещено, поэтому суммы за столом директора кладбища озвучивались и ходили немалые – куда там вашему месторождению никеля или площадки под дом внутри Садового кольца!

В тот день, о котором речь идет, Виктор Корнет «по серьезному», «без дураков» продал участок земли между мо-

гилкой гражданки Пичугиной – забытой напрочь теперь, а некогда богини сцены и братьями Орловыми – известными душегубами, и был теперь доволен собственной значимостью и полезностью обществу. Он «рулил».

Стоял тихий русский вечер, каких в Америке и не бывает вовсе, вечер с луной и шепотом трав.

Виктюша Корнет неспешно шел, меряя прозой бухгалтерии хозяйский шаг, по кладбищу, оглядывая придирчивым взглядом свое хозяйство. Куда бы еще подселить желающих?

Кого бы из старичков пора «уплотнить»?

Было тихо. Светила полная луна, и только из-за часовенки раздавались нетрезвые голоса живых. Копателей.

Внезапно Виктюше почудилось чье-то лишнее присутствие. Да. На кладбище был еще кто-то.

Кто-то еще.

Виктюша встал и с опаской посмотрел в небо – не оно ли? Ему не мерещилось. С ним говорил некто. Прямо из-под ног, из-под земли, тихо и властно шел голос. Голос, мрачно напевающий старинную бандитскую песню. В двух шагах от владельца кладбища возвышался монумент покойного олигарха, рядом была закопана бывший директор школы, нетрезвый самоубийца и автор странных методичек, сводящих с ума почти всех читающих – место было жуткое, само по себе.

Считай, проклятое.

– Кто здесь? – произнес Витя Корнет достаточно крепко – он был готов, в принципе, сдаться, но по предъявлению.

Ответа не было.

А слышалось из-под могил:

«и за ней следила ГубЧК».

На подгибающихся, макаронных ногах Виктюша добрел до кладбищенской конторки, глухо сел за стол и замер. Он думал. Минуту.

– И «шта»? – был вопрос алчных и безбожных поделельников. Копателей.

– В два раза тариф подымаем, – был выстраданный ответ: – на «святой земле» хороним. Поет.

Когда усердные занятия бизнесом приведут вас ночью в свежевыкопанную могилу, помяните мое слово – вам захочется вспомнить что-нибудь светлое. Циничное, может быть.

Я чуял холод сырой земли, слушал, как Шура бьет штольню, кругом лежали усопшие, стояла зловещая тишина, и непроизвольно вспоминалось жизнеутверждающее.

Мы довольно усердно пили пиво с Вячеславом, и что-то, под настроение, я стал уговаривать его сходить на исповедь.

Как всех нераскаянных грешников меня периодически влечет церковь. До головокружения. До юродства.

Я был красноречив, он был внимателен. И он внял, он заплакал, он послушался, и пошел.

Я лежал «с похмелья», проклиная слабость нашей человеческой воли, когда он вернулся и, без приглашения выпив

стопку, объявил меня негодяем. Последней мразью.

И добавил, что в следующий раз на исповедь пойду я.

И он и я совершили старую ошибку – мы хотели испросить прощения. Мы страдали от вопиющей совести. Когда она временами просыпалась. Но мы не сделали главного: перед тем, как каяться, следует примириться, а значит, заделать пробоину в психике.

Осторожно спросив у бабушки, нужны ли подробности, и с облегчением услышав, что нет, а нужна только суть «дела», Слава и стал излагать просто суть.

Она же была такова.

Как-то, летя на маленьком полу-пассажирском самолете в Казахстан, чуть ли не на «Як-40», Слава стал весело перемигиваться и переглядываться с шаловливой и шустрой стюардессой, девушкой весьма привлекательной, кажется, Жанной по имени.

Самолет этот имел в проходе багажное отделение, наполовину заполненное мешками с луковицами тюльпанов – экипаж подрабатывал на какого-то «бая». За этим отделением, прикрытым от прохода кожаным пологом на молнии, был крошечный буфет и туалет без замка – уединиться было негде. Слава вздыхал и подмигивал Жанне, жалея, что случая не будет. А случай, возьми, да и подвернись.

Внезапно в салоне самолета погас свет. Дело было ночью,

какие-то лампочки горели, но еле-еле. Стало темно, и потянуло на приключения.

Слава оглянулся, ища, где же Жанна – она уже стояла рядом.

– Тише! Иди за мной! – шепнула она ему.

Он встал и, думая только одно: «Господи, неужели получится? Но как? Где?», пошел за ней. Они подошли к полу, Жанна расстегнула молнию, Слава все понял и полез на мешки с луковицами. Жанна залезла следом и закрыла проход.

Тот из вас, кому доводилось летать на маленьких самолетах, знает, как их часто и нещадно «кидает» в воздушные «ямы». А в тот раз еще и погода была дрянь, и настроение у пилотов тоже.

Слава едва перемолвился с Жанной на ушко о том, о сем, как самолет рухнул в «яму», и Жанна отъехала от него куда-то за мешки. Но любовь способна преодолевать трудности.

Молодые люди, барахтаясь в мешках, с трудом воссоединились и решили действовать быстрее.

Жанна была готова, Слава тоже.

Он уже осторожно входил в «калитку счастья», как самолет опять сильно бросило в сторону и вниз, и Жанна, как он сам потом говорил, «сорвалась».

Разговаривать громко они не решались, по проходу то и дело в туалет бегали пассажиры, и поэтому молча вороча-

лись в мешках, ища друг друга на ощупь.

В это же время второй пилот прошел в «хвост» самолета к буфету. Недоумевая, где Жанна, он открыл маленький лючок в боку багажного отделения и стал рукой искать припрятанную там бутылочку пива. Искал наугад, делая известные хватательные движения.

Вдруг рука его поймала некий теплый и продолговатый предмет похожий на горлышко от бутылки. «Что бы это такое могло быть?» – подумал второй пилот, с силой потянув заинтересовавший его предмет на себя, и тут же услышал из-за полога вкрадчивое: «Держи крепче! Он твой!»

– Это что еще за хрень! – воскликнул второй пилот. Он вообще был зол без пива, а тут, наконец, нащупал и отгадку «горлышка».

Он вскочил, свирепо расстегнул молнию и полез на луковицы, желая разобраться, что за шутник у него в самолете.

Слава, услышав гневный мужской возглас и звук раскрываемой «молнии», решил сматываться – Жанна барахталась где-то недосыгаемо далеко в мешках, «ее», как он думал, рука «его» почему-то отпустила – и он потихоньку выскользнул в оставленную пилотом щель.

Спустя двадцать минут, когда он уже давно сидел в своем кресле, мимо прошла Жанна. Она склонилась к нему и ласково шепнула: «Молодец. Было просто кайфово!»

Самолет уже шел на посадку.

...

- Все? – спросил несколько озадаченно батюшка.
 - Это только вступление, – горько сообщил Слава.
- И «отчет о проделанной работе» продолжился.

Из могилы показалась Шурина голова. Она улыбалась.

- Знаешь ли, что я сейчас вспомнил?
- Нет, а что?
- Историю с актером Алмазовым. Помнишь?
- А напомни.

Актер Сильвестр Алмазов был занят в труппе небольшого провинциального театра. Как-то к ним в городок приехал режиссер – сухая и истеричная женщина, помешанная на зарубежных авторах. Приехала, чтобы ставить спектакль.

Спектакль сложный, костюмированный, перегруженный спец эффектами и музыкой.

Алмазов играл в нем бога Аполлона. Он выходил в начале первого действия и произносил текст:

- О, род людской,
глумящийся в разврате!

И так далее.

Далее по ходу действия появлялся актер Петрович, изображающий уставшего от жизни философа, и произносил:

- Кому-то – бог, а мне – крючок для шляпы!

И небрежно вешал кепи на руку Аполлона, становившегося в этот момент статуей.

В вечер премьеры все нервничали.

Режиссер, уже не знающая, как и чем вдохнуть гениальность в замордованных актеров, злобно прогуливалась за кулисами.

Прозвучал второй звонок.

Алмазов в костюме Аполлона – легком лавровом венке на голове и таком же на бедрах – переминался возле занавеса, готового взлететь.

Режиссер подошла.

– Алмазов, милый, соберитесь же, будьте мужчиной, будьте богом! Что вы за размазня! Вы же Аполлон! Мечта женщин! Любая готова сказать вам – возьми меня, я твоя! А вы?

Вы готовы ли к такому? Распрямите плечи! Подбородок выше! А здесь? Здесь-то есть хоть что-то?

Режиссер сунула руку под венок.

– Войдите в образ, – продолжала она, придавая голосу столько страсти, сколько и на курсах не преподается, –

– Представьте: я молю вас – возьми меня, возьми!

Режиссер была талантлива.

Прозвучал третий звонок. Наступила тишина.

Занавес распахнулся.

На сцене стоял Аполлон, угрожающе направив в затихший зал страшное оружие бога.

– О род людской, глумящийся в разврате!

...

Актер Петрович, уловив опытным ухом подозрительно-скандальную тишину зала, вышел, готовый дать реплику.

Мгновенно оценив ситуацию, он думал не долго.

– Кому-то бог, а мне – крючок для шляпы!

И он ловко накинул кепи на эпатажный элемент.

Спектакль продолжался.

Богатый русский язык что-то скуповат на интимное. Акт близости между мужчиной и женщиной у нас обозначается словом похабным. Не употребляемым в компании.

То, что висит или торчит у мужчин, называется, обыкновенно, хреном. Хотя я, любя нашу закуску из хрена с помидорами, этому удивляюсь. Овощ этот обычно длинный до раздражения, когда выкапываешь, и тонковат.

Когда я работал в Африке, в Джибуту, коллеги антропологи возили меня в гости в племя Абоду – жителей влажных лесов. Суровых охотников. Мужчины племени с трехлетнего возраста ели орехи дерева Сиккая (священного!) – и к восемнадцати годам – времени брачных игр – их орган любви вырастал до полуметра.

Инструмент внушал страх и уважение, но, увы, был совершенно неподъемен.

Я тогда был парень молодой и любознательный. И я спросил у грудастой девушки из этого племени: «И как? Разница

ощущается?»

Она шаловливо погладила меня по животу теплой ступней (мы сидели с ней на ветвях «пьяного» дерева», она – чуть выше, я пониже, как требует этикет, на случай, если появится леопард) и сказала: «Мы, женщины Африки, ждем от охотников лишь силу и скорость».

«Ты сегодня был Бобобо».

Бобобо – лесной дух Африки, тайно приходящий в их деревню по ночам и без спросу делающий неосторожных африканских девушек беременными, что-то типа европейского инкуба.

И я успокоился, и не стал заниматься селекцией удивительного ореха.

Кстати, кому надо – езжайте. Орехов полно.

Девушкам повезло больше:

«Записная книжка для друзей», «Вечная точилка», «Кошелек с сюрпризом», «Ты, что ли, спать собрался?», «Ловушка для королей».

Скабрзность – она всегда будет то проглядывать, то скрываться в зарослях человеческой культуры, всегда будет рядом с величественным и возвышенным, как алые цветы репейника, распускаться в едва оставленном садовником розарии.

Чувство стыда архаично, оно чуть ли не от одноклеточных, оно лезет изнутри и создает мораль, оно от незащищен-

ности героев, например, во время любовных наслаждений перед, хранимым древними инстинктами, страхом смерти, страхом перед внешней опасностью хищного мира живого – теряя разум, зрение и слух, людям необходимо уединиться, спрятаться, но богам это чувство не ведомо.

Боги стыда не ведают.

Бессмертная виртуальная реальность – и того менее.

Мы, живущие в ней, циничны по ее законам.

Юность божественна и бессмертна – она так же беспощадна, прекрасна и безоглядно смела, и, как бы не шипели завистливо, отыгравшие свое соло с либидо, старухи и фанатичные аскеты, юность демонстрирует свой эротизм на весь мир, подобно культовым актам древних царей и их красавиц жен, совершаемых на вершинах священных холмов под одобрительный рев и рукоплескания племени, признающего красоту, стихии и силы природы личностями.

Внешность и поступки таких личностей всегда манят.

Этим личностям можно то, чего другим нельзя.

Другим – простым смертным.

Ольга. Да, ее так и звали. Она была кудрява, сероглаза и юна. И она была милой. Худенькая и независимая. Сто раз обиженная и сто раз оболганная.

Сто раз осужденная, и прощенная – кем?

Носительница греха – чьего?

Кудрявая, сероглазая и даже стройная.

Ждущая.

И она поступила, как обыкновенная девушка, когда невысокий, приятно склонившийся мужчина, сказал ей: «Утомительно, наверное, искать прошедшее, не лучше ли выпить за живых?»

От него пахло такой жизнью, пьянящей влагой и силой. И властью быть господином.

И с ужасом, понимая, что это неправда, но и правда тоже, Ольга встала и пошла, вслед за зовущим, готовая отдать все – мысли, сомнения, все последнее. Душу.

И если, ему, господину, так захочется, и тело. Если скажет.

Вечером, перед закрытием кладбища, я, как обычно, занес Шуру обернутую полотенцем маленькую кастрюльку с отварной картошкой. Отодвинув грубый деревянный лючок, сколоченный из досок кладбищенского забора и лежащий поперек раскуроченной могилки гражданки Штосс О. Е, я тихо посвистел в черный лаз «кротовой дыры». Оттуда раздался наш условный ответный свист. Это мы «тихорились». Если бы штольню случайно обнаружил кто-то посторонний и поинтересовался бы у Шуры, чего он там ищет, тогда Шура бы его просто «замочил». Он так сам выразился. Кажется, на третий день землеройных работ.

Я на это неодобрительно покачал головой – обычно, перед

тем, как распускать руки, Шура советуется со мной, но не попенял старому товарищу. Ему было тяжело копать одному – у меня «шалила» поясница, и я побаивался заполучить приступ радикулита.

Полиции он бы тоже, по его словам, живьем не сдался бы, а застрелился. Хоть из лопаты. Хоть из ж...

Шура с жадностью, обжигаясь, роняя капли из носа и постанывая, ел горячий картофель, который я заказывал для него в придорожном кафе, временами прихватывая неделю немытой ложкой куски тушенки прямо из банки. Опорожненные банки он грубо кидал в сторону соседних могил. При этом рыгал. Я подозревал, что свой туалет он совершал тоже там.

Шура дни и ночи не отходил от штольни дальше десяти шагов, опасаясь конкурентов.

– Хорошо горяченького поесть. С устатку, – сказал он, счастливо глядя на меня добрыми глазами сытого пса.

Он становился сильно похожим на самое жалкое, по своим потребностям, существо на земле – на наемного рабочего.

– Как там дело-то идет?

– Похоже, дорыл. Ночью поставлю крепь, и надо потихоньку вытягивать.

– Потихоньку не получится. Объявилась некая Штосина Ольга – праправнучка этой самой Штосс О. Е. Периодически шарахается по кладбищу и ищет могилу бабуси. Хорошо, что

в конторе записи утеряны.

Так что, забираем предмет твоих мечтаний нынче ночью.

Шура поднял к небу изнуренное, покрытое могильной землей лицо.

– А сведенья точные? Я быстрее рыть не могу.

– Точные. Я сам ее заметил, когда совершал дежурную прогулку вокруг «объекта». Теперь приходится заниматься ею. В кафе водить. Отвлекать от поисков бабушки.

– Толик, – безнадежно спросил Шура, – а можно я с ней в кафе, а ты покапаешь? На руках мозоли уже лошадиные. Хотя бы на один вечер.

– Я бы не против, но ты забыл? – у меня поясница!

... ..

Мы все еще сто раз вспомним наше время – и благословим его.

Время мудрости, и печали, и смеха.

Время доброго консерватизма.

Редкому человеку удается прожить без оскорблений, но кто преодолет их, войдет в вечность.

Уж я-то знаю.

...

Глава четвертая. Девушка.

Внешний, удобопостигаемый разумом мир, тот, который вульгарная философия называет «материальным» (хотя я никогда не мог добиться вразумительного ответа на вопрос

– что такое «материя»? обычно, начиналось словоблудие и тавтологии), а в просторечье называемый «природой», сам по себе не знает красоты.

Цветы, водопады, закаты, животные, рыбы и берега океана – все они демонстрируют гармонию ритма, пластики и меры. Но не для себя – для нас.

Красота, прекрасное – это чисто человеческая забота и фантазия. Цель жизненного поиска.

Зачем же мы ищем их? Откуда, вообще, в человечестве тяга к прекрасному?

Мне думается, прекрасное или то, что заставляет восхищаться, благоговеть, хранить, а неосознанно, и обладать, возникло в наших головах в тот самый день, когда маленькая мутация самца питекантропа передалась через соитие его самке, и на земле появились пары, не нуждающиеся для продолжения вида в периодах «течки».

Возможно, Моисей и имел в виду эту метаморфозу, говоря о создании человека из «грязи земной». Питекантропы были грязнули редкие.

Просто в те старые времена люди и пользовались старыми понятиями. Ясными окружению.

Женщина способна к зачатию, практически, постоянно, практически, с утра, и потому она постоянно обязана выделиться и выглядеть привлекательно, лучше или хоть не хуже «соперницы», и она постоянно оценивает мужчину, как партнера, ища в нем идеальную (как у «старших» и «успеш-

ных») «охрану» для себя и потомства.

Это на одну долю – ту, что от питекантропа.

Людское племя сразу отличалось от звериного коллективной заботой и о матерях и о младенцах, и женщина наша интуитивно свободна от животного страха «пропасть», поэтому на оставшиеся девять долей женщина, слушая и разглядывая мужчину, просто прикидывает, хочется ей попробовать с ним или нет. Он довольно мил. И уши смешные. Видите? Пошли оценки.

Мужчина с готовностью демонстрирует в ответ, что он весьма неплох. И готов, хоть сейчас. «По свистку».

Ведь он все-таки на девять долей питекантроп.

В наш век – оба бессознательно.

Эта женская потребность – быть замеченной, оцененной и выбранной – и женское любопытство и своеобразие в выборе партнера и создали потихоньку, шаг за шагом, весь тот колоссальный мир прекрасного, с его эстрадой, музеями, арт-галереями, дворцами, городами, курортами, наукой, политикой, луной и литературой.

Моей – точно.

...

Ночь была тиха и прозрачна, как спящее озеро. От соседних могил прохладно веяло грустной тайной бытия человеческого, деревья задумчиво молчали и не шевелились, боясь спугнуть тишину, на белых песчаных дорожках мягко плескалась полуночной нимфой круглая луна – мы с Шурой,

скрипя костями, мускулами и мозгами извлекали тяжелый гроб с Федором Федоровичем из узенькой штольни с помощью автомобильной лебедки.

– А хорошие гробы готовят олигархам у нас в России, – сказал Шура, когда тяжелый палисандровый ящик для правильного хранения праха человеческого был, наконец, вытасцен на маленькую лужайку перед ямой.

Мы сели на гроб с Федором Федоровичем – надо было передохнуть, собраться с силами и на плечах унести Федора Федоровича до забора, а там уж погрузить в машину. Гроб надо было осторожно подбросить к кладбищенской конторке – будто кто-то случайно нес и потерял, а лаз в штольню засыпать.

Шура брезговал носить Федора Федоровича на руках и был готов дотянуть его до машины прямо в гробе, на катках (он даже приволок несколько обрезков труб), но я одернул его и призвал быть мужчиной. Посдержанней.

– Вдруг нас остановит полиция? Ее, когда не ждешь, всегда хватает. Если мы возем труп в мешке, в багажнике, очень правдоподобно звучит объяснение: «Собираем грибы с товарищем, беседуем о театре, вдруг видим – мешок, а в нем труп. Нас это настораживает и, вот теперь возем в полицию на экспертизу». Нас, возможно, еще и похвалят. Сам знаешь, как радуются измаявшиеся от скуки полицейские, когда им по ночам сознательные граждане привозят из леса неизвестных покойников – есть хоть чем заняться.

А если повезем Федора Федоровича в гробу? «Легенда» теряет жизненность: «Собираем в лесу грибы, беседуем о театре, вдруг видим – гроб, а в нем покойник». Подозрительно как-то звучит.

Шура согласился, но все-таки надел марлевую маску и белые хлопковые перчатки. Он походил на ученого, разрабатывающего бакоружие – было приятно смотреть.

– Шура, – спросил я товарища, – а что ты намерен делать с миллионами, которые госпожа Торбаева вручит тебе, буквально, через несколько часов?

Шура повел плечами и положил подбородок на черенок лопаты:

– Думаю, поеду в Африку. Организую какую-нибудь революцию и стану у них королем.

– Африка – правильный выбор. Колыбель человечества. И потом, в постиндустриальной России – мы же отказались от сложной индустрии, согласен? – никакие революции, да и просто перемены невозможны. Крестьян меньше семи миллионов, в убогой промышленности около пятнадцати, то есть тех людей, которые могут и умеют ломать и созидать, до смешного мало. Остальные жмутся с ложками к бюджету государства. А государство – это чиновник. А чиновник только тогда способен что-то менять и быть эффективным, когда он – «Берия».

Мы же хорошие нынче. Цивилизация и нас коснулась, пусть, хоть шутя. Мы будем продавать газ и нефть, а надо

будет, продадим пресную воду из рек, кончится вода, будем продавать старух и стариков «на мыло». Не всех, конечно, некоторых просто нельзя «на мыло». «С душком».

– А закончатся старухи? – спросил Шура с интересом.

– Когда продавать будет нечего, наступит время «плена Вавилонского». Что же, давай, откроем упаковку.

– Ну, а ты, ты решил, куда потратишь миллионы? – спросил, подымаясь с гроба, Шура.

– Еще нет. Но, скорее всего, раздам их на улице девушкам и женщинам, чтобы совесть не мучала. Ведь все состояния, так или иначе, украдены у наших женщин. По кусочкам – там недоплатили, там взяли лишнее. Берут, вроде, у «него», но «он-то» добывает для «нее».

– Это по-королевски!

– А мы и есть короли. Короли ночных дорог.

Подцепив «фомкой», мы приподняли массивную резную крышку и тут же резко опустили, чуть не роняя, ее к ногам – мы сразу, и Шура и я, заглянули произвольно в гроб Федора Федоровича, и силы из рук ушли. Гроб был пуст.

– Что за идиотские шуточки! – спросил довольно громко Шура, обращаясь к абстрактным слушателям, – где олигарх?

Луна, не обращая на нас внимания, продолжала бесстыже плескаться на дорожках.

Я покопался в гробу и быстро обнаружил откидную дверцу, исполнявшую роль доньшка.

– Шура, а наш Федор Федорович, не второй ли Гудини?

Он точно помер?

– Я лично пульс не щупал, но ведь есть завещание, и оно в силе.

...

Мы наспех забросали яму землей, гроб был тяжелый, и нести его теперь не хотелось, поэтому мы привалили его к мусорному контейнеру – авось, кто-нибудь подберет. Вдруг нужда у человека?

Мне нужно было обдумать ситуацию.

Я вложил все свои сбережения в создание мраморного памятника графине Фон Штосс, Шура больше недели рыл тяжелую, каменистую землю и почти одичал, по крайней мере, изо рта у него пахло – а мы оба были не из тех, кто легко признает проигрыш.

Три дня я лежал на канаве, а Шура пьянствовал, пугая окружающих разговорами, что смерть – это иллюзия, и кладбища реально пусты – покойники ходят среди нас и посмеиваются над нами, дураками. При этом он делал страшные глаза и шепотом добавлял: «Они даже служат в структурах!»

На четвертый день он пришел ко мне, сел и хмуро сказал:

– Я «допер».

– Поздравляю, я тоже, – ответил я с канаве, разглядывая его небритое, но ставшее за эти дни почему-то интеллигентным, лицо. Лицо плейбоя-аристократа.

И мы занялись составлением нового плана действий.

...

Мы пришли не к открытию конторы, а почти к началу обеда – было бы не гуманно нарушать привычный деловой ритм столь почтенной, столь солидной адвокатской фирмы, «Бычков и партнеры» – она и была «душеприказчиком» покойного Федора Федоровича. Там ведь работали и самые простенькие клерки, из начинающих, и им следовало прилежно обучаться строгому ремеслу говорунов и трудиться на благо юриспруденции и добрых хозяев.

Шура был в чуть искрящемся, строгом черном костюме, хранимом на случай приема «вверху», я был в смокинге темно-синего цвета (королева Елизавета благосклонно разрешила мне надевать его для «встреч», снизойдя до моей привычки курить сигары), но в берете «а-ля» Вагнер (композитор) – утро было прохладным, как аромат шиповника, и я берег голову.

Нас вежливо выслушали и, улыбаясь, попросили пройти к управляющему, самому господину Бычкову – ведь речь шла об очень крупном наследстве. Очень! Наследниками были мы с Шурой.

То, что Федор Федорович жив и просто «смылся» с собственных похорон, было расценено нами, как «несерьезное», как что-то в духе «женских» детективов. Истина была проще и изящней, как любой трюк с миллионами, и хранилась она здесь, у кураторов последней воли покойного.

Господин Бычков, Сергей Степанович, принял нас в удобном для интимных разговоров светло-бежевом кабинете –

два кресла, на мой взгляд, чуточку излишне комфортные, чуточку расслабляющие, круглый столик для кофе, стоимостью с маленькую квартиру, письменный стол, просторный, как степь, и пустой, и за ним бесшумно крутящийся, способствующий тонким мыслям, стул, на котором и сидел господин главный юрист.

– Я вас слушаю, – сказал он с таким доброжелательством в голосе, какое слышишь только у людей с зарплатой в разы превышающей среднестатистическую, – я понял, речь пойдет о каком-то наследстве?

Мы – я и Шура, оба застенчиво потупились и улыбнулись. Тихонько, не обнажая зубов.

– Наше дело растолкует вам мой брат, я же уточню детали, – сказал я скромно и, не оборачиваясь к Шуре, продолжил, – братец, приступим.

Шура спокойно, как яблоко, вынул из кармана мощный армейский пистолет (этот муляж он купил по случаю в Измайлово у какого-то студента, предлагавшего еще и матрешек «до кучи»), картинно щелкнул металлом и сказал весьма по-деловому, я бы даже сказал, «по-кондукторски»:

– Расскажите все про завещание Нас оно интересует. Господин Бычков к виду оружия, нацеленного в лоб, был явно привычен. Он даже не переменил позу, только сложил ладони, как католик для молитвы, и спросил:

– Кто вы? И что вы хотите знать о завещании? Наследников двое – госпожа Торбаева и Фонд...

– Кому достанется все, когда ваша контора решит закончить валять дурака с этим вонючим Фондом, который, кроме вонючего законопроекта о запрещении хозяйственности в районе Байкала российским налоговым резидентам, ничего не изменил в сути, и с этой «козой», не вылезавшей из развратной Ниццы, мадам Торбаевой, знать не знающей, что могила покойного дяди просто декорация. Кто реальный наследник?

И главное, когда. Кто или «что» нажмет стартовую кнопку?

– Кто вы? – снова спросил адвокат довольно смело, глядя в дуло пистолета, – кто вас послал?

Последнего вопроса он не должен был задавать.

Вопрос, заданный под дулом, требует ответа. Таково правило.

Я грустно посмотрел на его ноги, обутые в мягкие туфли для офиса, – такие жалкие, такие человеческие! – стараясь не смотреть в лицо адвоката, особенно в глаза ему – Шура уступал право объяснения мне, как обычно.

– Мы просто люди, Сергей Степанович, но, как все люди, мы носим внутри себя ангелов или посланников, так что спрашивать, кто нас послал, несколько опрометчиво. Вы же читали Библию, и должны знать, что ангела или видимый образ Духа обычный человек не может увидеть и не умереть. Разве только этот человек не великий праведник или не закоренелый грешник.

– Анат, – сказал Шура сквозь зубы и проглатывая половину моего имени, – я сейчас этому юристику вышибу из мозга и Фемиду и Дике, мне надоедает держать палец на крючке. Он не желает говорить, так пусть совсем замолкнет.

И Шура поднял пистолет до уровня лба юриста.

– Ради Иисуса Христа! Кто вы?

При звуках этого имени – это был как удар плеткой! – я услышал сбоку, со стороны Шуры, тяжелый, глухой хрип, похожий на звериное ворчание, а внутри меня шевельнулась бездна, и стало невыносимо больно.

– Не смей произносить это имя, – тяжело прошептал я, почти прошипел. Меня трясло от озноба. Меня просто било от злобы и ненависти.

Воры, развратники, Иудушки всех мастей, шлюхи, проповедники – вся дрянь земная – как они любят упоминать его, вставляя его к месту и не к месту. Они ухитряются даже зарабатывать на нем!

Я так же смотрел на ноги адвоката и явственно видел, как под моим взглядом паркет вокруг них начинает парить и покрывается морозной сединой, из которой начинают расти кристаллы льда.

Боковым зрением я заметил, как изменилось при последнем вопросе адвоката лицо Шуры – это была белая маска неминуемой смерти, а из-под опущенных, складчатых век как будто били два зелено-огненных луча, и пол под ними начинал уже чернеть и дымиться.

– Что же, ты действительно просишь показать тебе пославшего нас? – спросил я, чувствуя, что уже не я говорю, а что-то «иное» внутри меня и непостижимо мощное.

Адвокат молчал и по-кроличьи ждал.

– Шур, – сказал я, – посмотри ему в глаза – посмотри прямо в грешную душу этого человека. Он хочет увидеть того, кто пришел – Отца лукавых вопросов, противоречия и безграничной свободы. Ему мало видеть нас.

И мой брат поднял свой испепеляющий взор, взор, пришедшего убивать и разрушать, от земли, казалось, прожигая по пути пол, лакированную столешницу и деловой пиджачок господина Бычкова, и занырнул, влился ему в зрачки.

Они смотрели друг другу в глаза минуту, не больше. За эту минуту день потускнел и осунулся, и моложавое, спортивное лицо адвоката с дивной, ухоженной шевелюрой тоже осунулось, обвисло и покрылось паутиной старческих морщин с мешочками, черные волосы поредели и стали наполовину седыми, а глаза потухли и были теперь двумя слезливыми, мутными колодцами, хранящими животный испуг перед концом и вечную вину за прожитое.

– Поговорим? – предложил я, делая знак Шуре – и тот прикрыл веки.

Господин Бычков с трудом поднялся, спотыкаясь, добрался до стены (сегодня он, наверное, купит себе тросточку), трясущимися от навалившихся болезней руками отпер маленький сейф и достал из него папку с бумагами.

– Вы выкопали гроб, вы пришли с вопросом, – сказал он тихо-тихо, будто помирать собрался, – вы те, кому Федор Федорович оставил это письмо. Оно все объясняет.

– Сердечно благодарим вас, Сергей Степанович, – сказал я, принимая от юриста бумаги, он тупо смотрел на мой смокинг, – дальше задерживать не смею. Продолжайте трудиться. Молодежи внимания больше уделяйте, опытом делитесь, не секретничайте – она у вас прекрасная, честное слово. Будущее за ней, как утверждают некоторые оптимисты.

– Скажите, – неожиданно спросил меня старичок-адвокат робко, – я скоро умру?

Та же невыносимая, чудовищная мощь презрения к этим жалким созданиям шевельнулась во мне, и я вдруг увидел старенького адвоката, медленно идущего по городской улице с мальчиком лет десяти, очевидно, внуком.

– У вас есть внук? – спросил я.

– Нет, пока нету. Ждем.

– В таком случае, десять лет я вам гарантирую, – и важно раскланявшись (мы – люди воспитанные!), я и Шура покинули адвокатскую контору.

Письмо удивило нас своей предельной ясностью изложения и простотой быстрого ума. Вот оно.

«Молодые люди, вы решили заполучить мои деньги и, очевидно, уже выкопали пустой гроб.

Поскольку вы читаете это письмо, вы смогли убедить од-

ного из лучших адвокатов страны в том, что вы достаточно умны и обаятельны.

Я рад, что вы объявились – я уважаю энергичных парней с деловой хваткой, сам был таким же, теперь узнайте, что будет дальше.

Завещание свое я намеренно составил так, что его всегда можно будет очень легко опротестовать, о чем конторе «Бычков и партнеры» даны точнейшие инструкции. Но процесс передачи наследства начнется не раньше, чем у Ольги Евгеньевны Штосиной (Фон Штосс) родится мальчик-наследник и будет назван Федором. Она моя внебрачная дочь.

Попробуйте ее найти и, возможно, кто-то из вас и сможет завоевать ее сердце, а нет – мне безразлично, кто будет отцом ребенка.

Итак, мои деньги перейдут моему внуку по имени Федор. Такова моя воля».

– Получается, могилка бабушки Штосс тоже придумка Федора Федоровича, – заключил Шура, – старик оставил подсказку. Но как он знал, что мы остановимся именно возле нее?

– Джентльмены знакомы с Лермонтовым. Он о нас писал.

– Задача упростилась до студенческой яичницы, – сказал Шура решительно, – я немедленно соблазню Ольгу, а потом и женюсь на ней, дальше – дело эротической техники.

Мальчик, так мальчик. Как заказывали.

– Что за спешка вдруг! – озабоченно заметил я, – быть может, ей по душе посещения театров, салонов, общение с художниками, разговоры над старинными альбомами. Зачем же ты? Почему ты? Когда ей нравится дружба с интеллектуалом. Грусть над рекой. Стихи и мечты.

– Дружите, кто запрещает. Но страсть с ума сводящую, в результате которой только мальчики и рождаются, ей внушат не музыка и картины, а сам знаешь что – поездки по дальним странам, горы, гостиницы с вежливой прислугой, лыжи и яхты и роскошные «пати» у сильных мира сего, где она будет блистать в нарядах от ведущих кутюрье.

– Шура! – сказал я укоризненно.

– Толик! – ответил он надменно.

Мы помолчали.

– Я бы принял, если бы она, будучи моей женой, завела себе приятеля-спортсмена. (Я не сказал «любовника») Я отправлял бы их кататься на лыжах, куда-нибудь в Альпы, а сам уходил бы одиноко в оранжерею к розам. Грустить и ревновать.

Шура подумал мгновение.

– Я не возражаю, если моя жена будет изредка встречаться с вежливым эстетом и окунаться в мир прекрасного. Это даже стильно. Это возбуждает.

Мы прошли еще шагов сто молча.

– Все-таки до слез обидно – как равнодушно игнорируют отцы-законодатели моральные традиции малых народов нашей Родины, – с горечью сказал я Шура, когда мы уже шли по бульвару среди яблонь, – вот, например, я – побочный потомок эскимоса, охотника на моржей и поэта снега. В наших краях у некоторых племен была принята полиандрия. А попробуй заикнись о ней в так называемом цивилизованном обществе! Заплюют! Оштрафуют!

– Это что-то типа каннибализма? – с интересом спросил Шура.

Я объяснил термин.

Шура посмотрел на наши римские профили, отражающиеся в витринах магазинчиков, и сказал:

– Ты прав. Нас, охотников, бродяг и поэтов совершенно не слышат. Привыкли – под одну гребенку. Европейскую. А Азия что? Жить не умеет?

И мы пошли дальше, к нестерпимо манящему источнику богатства, и наши силуэты почти сливались в единое.

... ..

Ольга принимала душ.

Струи воды теплыми реками текли по ее потемневшим

прядям, будто лианы, скрывшими лицо, по нежным плечам, маленькой груди и гибкой спине и дальше, волнами с пеной, стекая с головокружительных ног на теплую керамику с цветочным орнаментом.

Струи воды шептали:

«Эва-а, Хев-ва, ева, ева».

Они колдовали. Они ласкали.

Она грациозно вышла из душа, закутывая голову полотенцем, а ногой поискав «вслепую» сланцы, и не нашла, и, не вытираясь, мокрая пошла в комнаты к дивану, туда, где лежал пурпурный с золотом и мягкий, как воздух южного моря, халат.

Она шла голая, оставляя мокрые следы на паркете, и паркет шептал ей вслед: «Хорошо, девушка обязана быть голой, ходи голой».

В открытое окно залетал теплый дальний ветер. Он качал шторы и шептал, пробегая по ее груди и спине и ногам: «Хорошо, девушке прилично быть голой. Ходи голой».

И стены и двери – все смотрели на нее и соглашались: «Да, голая девушка – это красиво. Будь голой. Всегда».

Она накинула халат, но не стала завязывать пояс, а села и склонилась и стала укладывать лак на ногти пальцев ног – так было принято в эти дни, так считалось красиво у женщин.

Лак сох, и она ждала и вытягивала ноги к потолку, лежа на спине, и сгибала их в коленях и била нетерпеливою стопою

медленно сушащий воздух.

И, ожидая, когда поверх «базового» можно будет нарисовать узоры, она разглядывала свое округлое колено, и, найдя, что оно хорошо, поцеловала его. А потом, чтобы другому колену было не обидно, поцеловала и его.

А потом она перевернулась на живот, и поясok от халата скользнул меж ног по бугорку, щечка и волнуя.

«Я не сплю, – тут же сказала нежная орхидея, – я жду. Он скоро придет?»

«Спи. Он не к тебе придет, а ко мне».

«Увидим».

«Спи!»

«Не хочу. Хочу мечтать».

И тогда она засмеялась и подняла лицо к небу, и сказала: «Да, это я», и подсыхающие кудри ее были, как овечки, спускающиеся с гор Ливанских.

«Где ты? Я хочу, чтобы ты пришел!»

И раздался звонок – это был «он», а она была «не готова», и ей пришлось, прыгая, надевать юбку и, почти открывая, застегивать блузку.

И она распахнула дверь.

И он вошел.

...

Мальчик-погремушка.

Один маленький мальчик очень любил играть со смарт-

фоном.

– Не играй так долго! – говорила ему мама, и даже отби-
рала у него смартфон. Но мальчик не слушался маму и про-
должал играть, даже прятался с головой под одеяло и там иг-
рал. Он не видел, что из экрана смартфона к его голове тя-
нется тоненький красный лучик и ощупывает ему лоб.

Однажды ночью он не стал спать, а включил смартфон и
стал играть. Лучик из экрана протянулся к его голове, про-
скользнул в глаза и стал потихоньку пить его мозг. Голова у
мальчика стала пустой, а душа сжалась в сухой комочек, и
мальчик тоже сжался. Комочек в его голове перекачивался
и тихонько постукивал:

– Ток, ток, – и мальчик стал погремушкой.

Утром мама пришла и не нашла мальчика, а увидела иг-
рушку-погремушку, и она повесила ее на елочку.

Игрушка висела, покачиваясь, и стучала:

– Ток, ток.

А потом елочку вместе с погремушкой выкинули на по-
мойку.

Одна девочка, очень добрая, Лена Лисичкина, шла и уви-
дела мальчика-погремушку и забрала его домой.

У нее не было друзей, и она очень жалела, что маль-
чик-погремушка не может разговаривать и играть с ней.

Однажды ей было очень одиноко, и она взяла погремуш-
ку в руки, и подумала – как жалко, что он не живой! И она

заплакала.

Слезы девочек – волшебные слезы, и иногда, они творят чудеса.

Одна слезинка девочки упала прямо в глаз мальчика-погремушки и скатилась внутрь. Слезинка наполнила засохшую душу мальчика, и она ожила.

Мальчик открыл глаза.

– Ты живой! – воскликнула девочка.

– Да, – ответил мальчик, – пойдём скорее, я познакомлю тебя с мамой!

И они побежали к дому мальчика, и зашли на кухню.

Его мама тихо сидела у стола и смотрела на голубой экран смартфона.

– Мама! Это я! – крикнул мальчик.

– Ток, ток, – отозвалась мама.

Она тоже стала погремушкой.

...